

ГЕРМАНИЯ РАЗВОДИТ ПАРЫ

С неудачи началась карьера, пожалуй, одного из крупнейших и виднейших немецких предпринимателей периода грюндерства. Это случилось 24 июня 1841 г. на вокзале, принадлежавшем Берлинско-Ангальтской железнодорожной компании. Здесь собрались многие видные люди того времени, поскольку речь шла о праздновании крупного технического, хозяйственного и политического свершения королевства Пруссии.

Объект любопытства сотен высоких государственных служащих, офицеров, дельцов, а также гостей из различных частей Германии и из-за границы стоял на рельсах, выпускающая клубы шипящего пара: это был весьма жалкий — по сегодняшним меркам — на вид паровозик. На обшивке его небольшого по размерам парового котла виднелась короткая надпись — «Борзиг». Но с точки зрения хозяйственной политики значение этого творения было исключительно большим. Ведь с его помощью Пруссия надеялась покончить с технологическим превосходством английских и американских паровозостроителей.

Уже на протяжении добрых 25 лет немецкие предприниматели и конструкторы, опираясь на поддержку прусского правительства, прилагали немалые усилия для того, чтобы создать вполне конкурентоспособный паровой экипаж. Однако до этого момента безуспешно. Правда, видный конструктор Фридрих Кригар уже в 1815 г. построил на Королевском чугунолитейном заводе в Берлине первую модель немецкого локомотива. Впрочем, этот прототип оказался чересчур маломощным и ненадежным для коммерческой эксплуатации на железных дорогах страны. Поэтому сие «чудо техники» пустили по рельсам, уложенным на территории завода, и население Берлина получило возможность за четыре гроша входных любоваться им.

Явно неудачным оказался и построенный семью годами позже паровоз инженера

Л.К. Альтханса. По свидетельству очевидцев, в ходе публичных испытаний, проходивших в Гайслаутерне под Саарбрюккеном, он вел себя словно «норовистая лошадь». В 1835 г. паровоз пустили на слом. В силу этих причин немецкие железнодорожные компании, если они не хотели, чтобы их вагоны тянули лошади, были вынуждены вновь прибегнуть к использованию изделий гениального английского изобретателя Джорджа Стефенсона, фирмы «Шарп, Робертс энд К°» или американца Уильяма Норриса из Филадельфии.

Ключевая технология: Германия зависит от иностранных государств

Представьте себе весь драматизм положения: растущее индустриальное государство Пруссия в важнейшей ключевой технологии находилось в полной зависимости от зарубежных государств. Это было куда хуже технологического отставания западногерманских фирм по производству ЭВМ от могущественного конкурента — американской корпорации «ИБМ» в 1960...1970 гг. Ведь во второй половине XX в. во многих областях западногерманская промышленность по своим возможностям была равной американской, а порой даже и опережала последнюю. Но в начале промышленного века насчитывалось не столь много высокоразвитых отраслей экономики, которые могли бы компенсировать отставание в паровозостроении.

Технология паровых машин и паровозов в ту эпоху представляла собой пик технического прогресса. И лишь тот, кто в данной области мог идти наравне с другими, имел шанс оказаться победителем в конкурентной борьбе молодых промышленных держав. Человека, который в Пруссии, по-видимому, в полной мере оценил это обстоятельство, звали Петер Кристиан Вильгельм Бойт. Он был чиновником прусского министерства финан-

сов и во время своих Поездок в Англию и Францию на собственном опыте убедился, насколько последовательно и с какой прозорливостью эти государства стимулировали свои промыслы и ремесла (понятия «экономика» в те времена еще не существовало). Примерно с 1809 г. он начал пробуждать интерес берлинских промышленников к новой технике.

По образцу существовавшего с середины XVIII в. в Англии «Сэсайети оф артс» и созданного в 1801 г. во Франции «Сосьете данкуражеман пур лэндюстри насьональ» Бойт стал учреждать различные организации «поощрению развития ремесел и промыслов». Им были созданы «Техническая комиссия ремесел и промыслов», «Союз поощрению промысловой деятельности», Королевский промышленный институт, Королевский технический институт. Наиболее эффективным инструментом стимулирования экономики оказалось учрежденное в 1772 г. Фридрихом Великим «Королевское общество морской торговли», которое, предоставляя кредиты и заказы, могло целенаправленно содействовать развитию отдельных фирм или отраслей. Усилия Бойта давали также живительный толчок работе прусских машиностроителей, открывших в самом начале столетия свои предприятия вблизи Штеттинского вокзала.

Зародышем и школой молодой отрасли стал построенный Бойтом на восточном берегу реки Панке Королевский чугунолитейный завод. Государственное предприятие, насчитывавшее в 1806 г. всего 24 рабочих, на первых порах занималось производством, прежде всего, пушек, а также изготовлением памятников и портретных бюстов. Лишь несколько позднее Кригар и его коллега Альтханс приступили к выпуску паровых машин. Но самым незаменимым человеком на этом литейном заводе был выходец из Вестфалии Франц Антон Эгелльс, человек, склонный к кропотливой работе, и гениальный ремесленник-самоучка, постоянно приводивший в изумление начальство своими новыми идеями.

«Меня зовут Аугуст Борзиг»

Очень скоро Эгелльс стал чувствовать себя не совсем уютно на чугунолитейном заводе, руководимом государственными чиновниками. Поэтому он позаботился о своей са-

Аугуст Борзиг

мостоятельности, приобретающую небольшую фабрику, расположенную на Мюленштрассе, 59. Здесь он выпускал все, что приводилось в действие силой пара: гладильные машины, соломорезки, молотилки. Дело процветало. В 1823 г. он перевел фабрику на более крупный участок земли, лежащий на Шоссештрассе, 3. В лице торговца Водерба он обрел партнера, обладавшего большими возможностями финансирования. Через четыре года ему удалось расширить свое предприятие, которое с того момента стало называться Новый берлинский чугунолитейный завод. Однажды, в сентябре 1825 г., в дверь наполненного шумом и грохотом, насквозь прокопченного предприятия постучался молодой, но далеко не робкий человек. Он проревел Эгелльсу прямо в ухо, что его зовут Аугуст Борзиг и что он желал бы как следует обучиться тому, чем славится машиностроение.

То, что Эгелльс тотчас же не вышвырнул парня за ворота, говорит об умении мастера разбираться в людях. Ведь в А. Борзиге не было ничего такого, что могло бы сразу внушить доверие. Во-первых, для новичка он был уже немолод, ему как-никак шел 22-й год. Во-вторых, он был обучен плотницкому

делу, иными словами, не имел никакого представления о железе. И, в-третьих, он только что «вылетел» из учебного заведения, и не какого-нибудь, а пользующегося большой известностью. Королевского технического института, основателем которого был Петер Кристиан Вильгельм Бойт. Последнее было особенно скверно, так как сам мастер Эгелльс пользовался поддержкой весьма уважаемого им министерского чиновника.

И все-таки Эгелльс каким-то образом почувствовал крепкое ядрышко, сидевшее в плотнике из Бреслау. Он взял его на работу, хотя из диплома Борзига явствовало, что тот ничего не соображает в химии и его вряд ли можно использовать на должности техника. Скрепя сердце, он смирился даже с заключением врачебной комиссии, которая из-за чересчур толстой шеи признала рекрута Аугуста Борзига «навсегда непригодным к королевской военной службе в полевых условиях».

Недоучка становятся мастером

Эгелльсу, которого считают отцом берлинского машиностроения, поскольку из его мастерских впоследствии вышло несколько виднейших предпринимателей столицы, не пришлось раскаиваться в сделанном выборе. Молодой Борзиг, полный решимости исправить ошибки прошлого, с большим усердием приступил к выполнению своих обязанностей: это был высокообразованный, умный человек, с самого начала сосредоточивший все свое внимание на проблемах, связанных с производством паровых машин. Поэтому очень скоро он знал о них больше, чем любой другой подмастерье на заводе.

Через полтора года после прихода Аугуста Борзига на завод хозяин выдал ему следующее свидетельство:

«Податель сего, господин Аугуст Борзиг, уроженец Бреслау, проходил практику у меня на машиностроительном заводе с сентября 1825 г. Его успехи были настолько значительны, что уже в следующем году я доверил ему монтаж крупной паровой машины, который он, к полному моему удовлетворению, успешно осуществил, как, впрочем, и все остальное, чем ему приходилось у меня заниматься, будь то работа с металлом, чертежами или моделирование. Его поведение в быту и приле-

жание заслуживают всяческих похвал. Правдивость сего заверяю своей подписью.

Эгелльс, машиностроитель. Берлин, 15 марта 1827 г.»

Полштабеля дров в придачу

Однако Борзиг был не только талантливым машиностроителем. Он знал, как обходиться с людьми, никогда не забывая при этом о своей выгоде. Однажды он, как бы между прочим, сказал своему хозяину, что его намеревается переманить к себе другой берлинский машиностроитель. В ответ на это Эгелльс предложил ему поистине щедрый по тем временам договор: если Борзиг на следующие восемь лет возложит на себя обязанности «лица, честно и надлежащим образом отвечающего за техническую сторону производства на чугунолитейном заводе и в зависящих от него мастерских», то ему будет предоставлено жалованье в размере 300 талеров в год и доля в годовом обороте.

Кроме того, шеф предложил ему «одну из свободных больших квартир в переднем доме», а также ежегодно «полштабеля дров и торф» в придачу. Одаренные машиностроители встречались не столь часто. Еще труднее было найти такого, который разбирался бы в сложных проблемах управления паровой машиной и, кроме того, обладал бы способностью при необходимости находить новые, оригинальные решения.

Только так можно объяснить это чрезвычайно щедрое предложение Эгелльса. Борзиг согласился и уже в 23 года стал мастером. Теперь к нему сходились все нити чугунолитейного завода и мастерских крупнейшей в Берлине машиностроительной компании. Он сумел близко познакомиться со всеми теми проблемами, которые могли возникнуть при конструировании и монтаже паровых машин.

Несмотря на свой юношеский возраст, этот широкоплечий, коренастый, короткошейный выходец из Бреслау обладал авторитетом по своей природе. Дело в том, что он не избегал трудностей, а корпел над их преодолением до тех пор, пока не находил убедительного решения. Он вникал в мельчайшие детали, не упуская при этом из виду общих взаимосвязей, открыто высказывал свое мнение и не терпел интриг на предприятии.

Такой человек, и это Эгелльс хорошо понимал, был рожден для того, чтобы быть предпринимателем, а не служащим.

Договор выполнен до последнего пункта

Борзиг, который через год после своего назначения женился на девятнадцатилетней Луизе Прашель, дочери церковного служки, выходяща из Венгрии, и еще через год ставший отцом единственного сына Альберта, до последнего пункта выполнил свой договор с Эгелльсом. И вот, наконец, полностью было покончено с житьем-бытьем рядового служащего. Еще работая у Эгелльса, Борзиг присмотрел подходящий участок земли и новую квартиру, а также подал ходатайство о предоставлении разрешения на строительство литейного предприятия.

Время оказалось весьма благоприятным для машиностроителей, ибо началось победное «шествие железных дорог», и тот, кто поспешил к самому началу, мог претендовать на «лучшие места» в этом гигантском деле. В Германии еще не было никого, кто мог бы выпускать надежные локомотивы, и это было на руку Борзигу: он хотел быть первым. Однако как самостоятельному предпринимателю Борзигу пришлось начинать с малого. На свои сбережения он приобрел участок № 32 на Торштрассе рядом с городской стеной и построил на нем простые дощатые бараки. Это были слесарные мастерские Борзига. Здесь он трудился дни и ночи напролет, бился за получение самого скромного заказа, здесь он принимал на работу своих первых подмастерьев.

Поскольку поначалу у него не было ни воздуховки, ни паровой машины, ему приходилось подавать кислород в вагранку с помощью двух больших кузнечных мехов. В этом ему помогали солдаты из соседней казармы. Первая разливка состоялась 22 июля 1837 г. Этот день стал для Фридриха Аугуста официальной датой основания фирмы «Борзиг». С самого начала молодой предприниматель старался наладить связи с теми организациями, которые должны были выдавать заказы на производство локомотивов. Так он добивался у Комитета по делам железнодорожных сооружений на участке пути между Берлином и Потсдамом получения заказа на

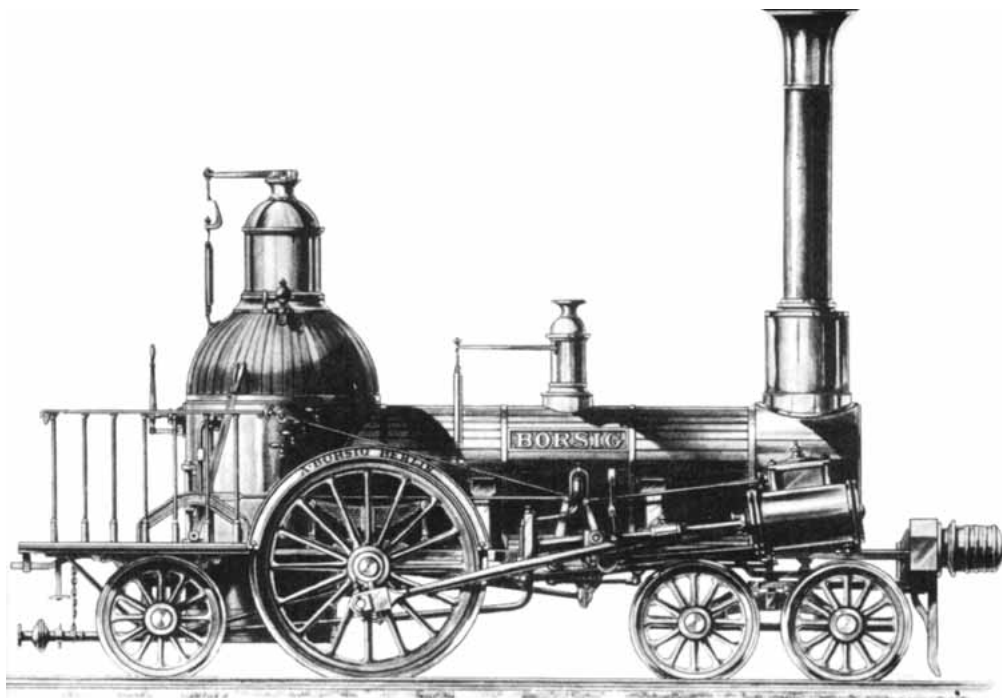
«поставку в течение 6 месяцев 1162 тыс. болтов 5/8 дюйма». В конечном счете, он получил его, так как государство было в высшей степени заинтересовано в том, чтобы помочь молодой немецкой железнодорожной промышленности.

Борзигу была предоставлена также возможность поставлять Берлинско-Потсдамской железной дороге разнообразное литье и поковки: колеса, стрелочные переводы и оси. Правда, все 13 локомотивов этой железнодорожной компании изготавливались еще в мастерских Ливерпуля и Филадельфии. Однако Аугуст Борзиг намечал новые планы и уже тогда предусмотрительно приобрел большой земельный участок на Шоссе-штрассе, на котором собирался позднее построить собственный паровозостроительный завод.

Его час пробил в 1831 г., когда директора Берлинско-Потсдамской железной дороги пригласили молодого предпринимателя к себе и сообщили ему, что он должен по возможности скорее отремонтировать оба вышедших из строя локомотива «Америка» и «Пруссия», выпущенных на предприятиях Норриса. Борзиг не упустил удобного случая и ответил, что он примет заказ только в том случае, если получит на руки техническую документацию на американские локомотивы. И тут, уже не в первый раз, была разыграна партия против иностранной конкуренции, ибо еще несколько раньше тайный советник Бойт побеспокоился о том, чтобы молодому машиностроителю с Шоссе-штрассе были предоставлены все необходимые инструменты и оборудование.

Американская конструкция совершенствуется

Аугуст Борзиг получил документацию и теперь мог приступить к строительству первого собственного локомотива. Надо иметь в виду, что в те времена в Германии не были до конца продуманы все технические тонкости передачи силы пара из парового котла на колеса, и поэтому все построенные в стране локомотивы несли на себе признаки весьма серьезных детских болезней. Сказанное относится и к машине берлинского инженера Кофала, по чьим чертежам позднее построил локомотив Эгелльс, и к сконструирован-

Первый паровоз Борзинга (1841 г.)

ному в 1838 г. саксонцем Шубертом для железнодорожной линии Лейпциг – Дрезден на машиностроительном предприятии в Юбигау паровозу «Саксония», который считался первым действительно годным немецким локомотивом.

И если все прочие машиностроители Германии ориентировались преимущественно на английские образцы, то Борзиг с полным основанием потребовал чертежи американской конструкции, поскольку считал систему Норриса наилучшей. Хотя надо сказать, что обработка и конструкция отдельных деталей машины из Филадельфии не доставляли удовольствия берлинскому фанатику качества.

Теперь, вместе со своим ближайшим помощником Фридрихом Велертом, которого он по достоинству оценил, еще работая у Эгелльса, и которого он незамедлительно переманил к себе, Борзиг днями и ночами корпел над чертежами для своего локомотива. Борзиг не просто копировал американский

образец, но одновременно совершенствовал его в некоторых существенных деталях. Точное описание его конструкции появилось в 1842 г. в Динглера политехническом журнале в статье под заголовком «Паровая машина Норриса с усовершенствованиями, внесенными механиком Борзигом из Берлина».

Саботаж на королевском поезде

Берлинская модель отличалась от филадельфийской более длинным котлом, а значит, и большей мощностью, а также наличием трех вместо двух несущих осей. Однако, как уже было упомянуто раньше, первый рейс первого конкурентоспособного паровоза «made in Germany» грозил обернуться полной неудачей. В юбилейной статье, посвященной Борзигу, говорится: «Едва тронувшись с места, машина отказала совершенно: паровоз не желал двигаться ни вперед, ни назад. Тут машинист борзиговского локомотива Мюллер неожиданно обнаружил, что отдельные гайки на крышках цилиндров были

расположены не так, как он сделал это накануне вечером. Он заподозрил неладное. Сняв крышки, он увидел, что ночью чья-то подлая рука так затянула оба поршня, что их наглухо заклинило в цилиндрах. Он устранил неисправность, и локомотив под торжествующие крики присутствующих победно двинулся вперед, обгоняя английского конкурента». Уверенный в себе, молодой предприниматель дал первому локомотиву свое имя — «Борзиг».

Происшествие оказалось далеко не единственным случаем. Английские и американские фирмы, которые до той поры господствовали на мировом рынке, открыто пытались всеми средствами испортить дело докучливому пришельцу, вторгшемуся в их вотчину. 15 августа 1843 г. состоялось крупное праздничное мероприятие на Штеттинском вокзале. Его величество король Фридрих Вильгельм IV собственной персоной соизволил торжественно открыть только что построенную линию Берлинско-Штеттинской железной дороги. Для Аугуста Борзига это был особый день, так как генеральный директор железнодорожной компании Нойхаус «впряг» в состав, открывающий движение, не локомотив Норриса или фирмы «Шарп, Роберте энд К^о», а машину Борзига.

В соответствии с программой после торжественных речей отполированный до блеска, украшенный гирандами королевский поезд тронулся в путь. Из трубы локомотива Борзига валят густые клубы темного дыма, из вентиля с шипеньем вырывается пар, громко гудит гудок. Поезд набирает скорость и вскоре исчезает из поля зрения гостей торжества. Король благосклонно взирает на окрестности, довольный успехом молодой немецкой промышленности. И тут недалеко от Панкова поезд начинает замедлять ход и неожиданно останавливается. Недоумевающий король пытается выяснить причину задержки, но даже сам Аугуст Борзиг не в состоянии объяснить происшедшего.

Механики лихорадочно осматривают машину, и вскоре оказывается, что отказали котловые питательные насосы. Но почему? Сняв крышки, механики, к немалому своему удивлению, обнаруживают в обоих насосах странные посторонние предметы. Один из них заблокирован крепежной гайкой, никогда не применявшейся у Борзига, второй — гру-

бой стружкой. Борзиг с облегчением докладывает королю о причинах неисправности, и через несколько минут рейс продолжается.

Норрис в Берлине: от ворот поворот

Впрочем, и немцы не были особенно щепетильными, когда речь шла о том, чтобы держать конкурентов в узде. Весной 1843 г. из Филадельфии прибыл Уильям Норрис, чтобы заполучить новых клиентов и надолго прибрать к рукам немецкий рынок, от которого он ждал больших доходов. Сняв номер в берлинском гранд-отеле «Русси», янки без передышки вел переговоры с посланцами различных немецких железнодорожных компаний. При этом он узнал о поразительной силе отечественных паровозостроителей, в частности господина Борзига. Не теряя времени, американец разрабатывает смелый план наладить в Берлине собственное производство локомотивов и таким путем выбить из седла мелкие немецкие фирмы. 22 июня он обратился в Королевское общество морской торговли с письменной просьбой передать ему в аренду сроком на 10 лет принадлежащий обществу чугунолитейный завод в городском районе Моабит с правом преимущественной покупки. Предварительно он хитроумно заручился поддержкой одного строительного инспектора по имени Нитс, осведомленного о состоянии дел в молодой тяжелой промышленности Берлина.

Берлинские чиновники холодно отказали американцу, выразив свое сожаление, что не могут помочь ему даже в том, что «лежит за пределами» высказанных пожеланий. Разочарованный Норрис выехал из Берлина в Петербург, надеясь, что русские окажутся более стоворчивыми. Однако только в Вене ему удалось отыскать партнеров для основания паровозостроительного завода. Тем временем Пруссия, которая, как никакая другая страна на Европейском континенте, расширяла свою железнодорожную сеть, все больше и больше становилась вотчиной отечественных локомотивостроителей, хотя нельзя сказать, чтобы качество их продукции в первые годы было вне всяких сомнений.

В отчете о деятельности Берлинско-Ангальтской железнодорожной компании за 1846 г. говорится: «Почти все без исключения паровозы наших дорог слишком малы и более не отвечают требованиям со-

временного транспорта. Товарные поезда, как правило, настолько тяжелы, что редко когда одному из имеющихся четырех локомотивов со спаренными ведущими колесами, да и то только при хорошей погоде, удастся сдвинуть с места состав. Обычно возникает необходимость в головном локомотиве при двойной тяге. Такая же неблагоприятная ситуация сложилась и с пассажирскими поездами, так как все предназначенные для этой цели машины, за исключением недавно приобретенных паровозов «Форвертс» «Германия» и «Бойт», имеют слишком маленькие котлы и цилиндры диаметром от 10,6 до 12,1 дюйма. И как следствие, в 1846 г. 929 составов, а всего их насчитывалось 2520, пришлось вести двумя локомотивами, а 53 состава — даже тремя».

Колония паровозостроителей

Однако это не принесло никакого вреда деятельности господ Борзиг и К°, поскольку спрос был необычайно велик, и чем больше машин они поставляли, тем точнее знали, какие усовершенствования необходимо еще внести. Повсюду в Германии машиностроители стали заниматься локомотивами. В Хиршау под Мюнхеном Йозеф Антон Маффей, который с 1837 г. имел там кузнечный цех и литейное производство, почти одновременно с Аугустом Борзигом поставил на колеса свой первый паровой экипаж. Немного позже появились машиностроительная компания в Карлсруэ, машиностроительная фабрика в Цорге (Гарц), машиностроительная фабрика в Эслингене, предприятия Хартмана в Хемнице и семейства Хеншель в Касселе.

Центром немецкого паровозостроения по-прежнему оставался Берлин уже благодаря тому факту, что Пруссия строила большинство железных дорог в Германии, намного опережая в этом отношении другие немецкие государства. На Шоссештрассе перед Ораниенбургскими воротами разрослась целая колония паровозостроителей и вагонных фабрикантов. Бывший мастер Борзига Фридрих Велерт после краткосрочного пребывания на должности руководителя Общества морской торговли в 1843 г. тоже стал владельцем собственного машиностроительного предприятия. Теперь он намеревался создать с помощью собственных паровозов, построенных аналогично конструкции британ-

Бетель Генри Штроусберг

ского инженера Томаса Рашела Крэмптона, сильную конкуренцию своему бывшему шефу. Паровозы Крэмптона оказались весьма устойчивы в силу низкого расположения центра тяжести и обладали высокими скоростными качествами.

Борзиг на голову впереди остальных

Франц Антон Эгелльс, учитель берлинских машиностроителей, тоже пробовал свои силы в локомотивном деле. К счастью для его молодых конкурентов, старый мастер не стремился к специализации и не захотел расширять свои производственные площади, вот почему в начале 50-х годов из-за стесненного положения своей фабрики на Шоссештрассе он отказался от участия в паровозостроении.

Еще одним конкурентом Борзига стал его бывший ученик Луис Шварцкопф, который обосновался на Шоссештрассе, 20 и с которым он еще в 1848 г. предпринял учебную поездку в Англию. На чугунолитейной и машиностроительной фабрике Л. Шварцкопфа вначале выпускались паровые пилы, молоты и вальцовочные станки. Только в середине 60-х годов здесь решились на произ-

водство паровозов. Виновником всего этого был тогдашний железнодорожный король Штроусберг, который, досадуя на установленные Борзигом жесткие условия, предложил Луису Шварцкопфу гигантский заказ еще до того, как последний обосновался в этой отрасли и приобрел машиностроительную фабрику Георга Эггешторфа в Линдене близ Ганновера.

И все же Аугуст Борзиг удерживал ведущие позиции, отвечая на каждое нововведение, осуществляемое конкурентами, дальнейшим совершенствованием конструкции. О том, как в те времена выглядел квартал берлинских машиностроителей, рассказывает в своем известном романе «Leberecht Hühnechen» инженер и писатель Хайнрих Зайдель: «Лет двадцать назад Шоссештрассе в Берлине выглядела совсем не так, как сейчас. Начиная от Ораниенбургских ворот, по ее правой стороне, одна за другой тянулись крупные машиностроительные фабрики. В самом начале этого длинного ряда стояла всемирно известная паровозостроительная фабрика Борзига с возведенной Штракком изящной колоннадой. За ней шли другие, более скромные по своим размерам предприятия».

К уличному шуму примешивался заводской грохот, а глухие удары мощных паровых молотов сотрясали землю с такой силой, что в жилых домах напротив содрогались полы, звенела стеклянная посуда и дребезжали ламповые колпаки. В определенные часы улица превращалась в русло могучих людских потоков, а из ворот предприятий в них вливались новые и новые толпы чумазных рабочих. Было время, когда здесь каждый год производилось больше паровозов, чем на всей остальной территории Германии».

В конкурентной борьбе Борзиг постоянно оказывался впереди, потому что он был и хорошим инженером, и умелым предпринимателем. В то время как Велерт предоставил своему главному конструктору Герману Грузону, также обучавшемуся ремеслу у Борзига, полную свободу действия и потому не получал от своих паровозов практически никакой выгоды — в самый последний момент инженер всегда стремился все переиначить по своему, — Аугуст Борзиг никогда не выпускал из рук своего быстро расширяющегося предприятия. И в отличие от своего прежнего шефа Эггелльса он с самого начала концентри-

ровал все свое внимание и усилия на самом емком и прибыльном рынке — на производстве паровозов.

«Здесь глава всего — кузнец!»

Раньше, чем его конкуренты, Борзиг начал прилагать усилия, чтобы обеспечить себе независимость от поставщиков промежуточных изделий, и он постоянно опережал тех, кто также стремился расширить свои предприятия. Благодаря этому он опять же приобретал преимущества перед ними в издержках производства. Так, едва поставив на рынок первые паровозы, он купил в Моабите, на берегу Шпрее, обширный луг, на котором в революционные 1847 — 1849 гг. возвел самый современный металлургический завод Берлина. Уже тогда его паровозостроительная фабрика пользовалась всемирной славой. Самый крупный в Берлине торговец углем Эмануэль Фридлендер писал 5 июля 1847 г. в своем дневнике после ознакомления с фабрикой: «Это самое великолепное заведение Германии, а может быть, всей Европы, и на него, безусловно, стоит посмотреть».

Недалеко от входа на территорию фабрики высится большая башня, в нише которой стоит отлитая из бронзы статуя кузнеца. От Борзига потребовали поставить в нишу статую короля, но он, говоря, ответил: «Здесь королю не место, здесь глава всему — кузнец!»

Затем я начал свою прогулку по самой фабрике. В глаза бросилось около 15 заводских труб, по которым отводится дым из кузнечного цеха и от трех громадных паровых машин, приводящих в движение все предприятие. Двор с многочисленными зданиями и трубами, казалось, напоминает небольшой город. Первое здание — это кузнечный цех, гигантское здание, которому, как видится, нет конца. У 750 горнов трудятся 300 кузнецов. В цехе так чисто, как будто здесь работают одни женщины.

Паровая машина приводит в движение целую систему колес, за счет чего высвобождаются сотни рабочих рук, которые прежде должны были бы заниматься шлифованием, сверлением и т.д. Отсюда вы попадаете в цех таких же размеров, где также трудятся многочисленные слесари и где царят схожие порядок и чистота; из этого цеха — в большое здание под стеклянной крышей и с металличе-

кими перекрытиями. Последнее по праву можно назвать произведением искусства и первым в своем роде в Берлине. В этом чудовищном по своим размерам помещении стоят почти 15 паровозов, готовых к эксплуатации. Это поистине впечатляющая картина».

6 марок за 60 часов работы

К тому времени Аугуст Борзиг стал уже самым видным предпринимателем в Берлине, а его паровозостроительная фабрика по тогдашним масштабам была весьма внушительным предприятием. В 1846 г. Борзиг поставил, ни много ни мало, 119 паровозов, причем 109 лишь для одной прусской железнодорожной сети. Кроме того, его фирма строила необходимые для железных дорог железные мосты, в том числе соорудила хорошо известный мост с решетчатыми фермами через реку Хафель близ Потсдама, первый мост такого рода в Европе.

Основными сотрудниками Борзига были старший инженер Антон Флерингер, мастер формовщиков Рудольф Аншютц и старший руководитель предприятия Фридрих Хермес. Но решения принимал только сам шеф. Рабочим на предприятии Борзига платили прилично, но, по сегодняшним понятиям, им приходилось «вкваливать до полусмерти». Рабочий день начинался в 6 часов утра и заканчивался в 18, т.е. рабочая неделя составляла, как правило, 60 часов. Разнорабочий получал у Борзига 7...12 марок в неделю, слесарь — 9...15, кузнец — 10...15, формовщик и литейщик — 6...27 марок.

Это образцовое предприятие Пруссии притягивало к себе наиболее усердных мастеровых, коммерсантов и инженеров, потому что здесь строили уже не «на глазок», как еще при Эгелльсе. На его предприятии работали уже на научной основе, с использованием проверенных данных и накопленного опыта. У Борзига начинали свою карьеру некоторые из самых энергичных немецких предпринимателей, например чертежник Эмиль Ратенау, позднее основавший концерн «АЭГ», или Карл Линде, пионер холодильной техники и создатель всемирно известной семейной фирмы.

Годы буржуазной революции (1848...1849 гг.) фирма Борзига пережила практически невредимой, хотя в марте ей и пришлось уво-

лить 400 рабочих. Когда группа радикально настроенных рабочих попыталась захватить предприятие, к ним в окружении крепких, оставшихся верными ему кузнецов и литейщиков самолично вышел хозяин. Совместно они вытеснили смутьянов с территории завода. Рабочие Борзига с большей охотой вели переговоры о сокращении рабочего дня сначала до 12, а потом и до 10 часов, чем обсуждали политические вопросы.

В феврале 1849 г. под нажимом своих берлинских коллег-предпринимателей Борзиг направил петицию Немецкому национальному собранию, заседавшему во Франкфурте, в которой он предупреждал об опасности, создававшейся отменой покровительственной пошлины: «... Я убежден, что отмена покровительственной пошлины может погубить всю нашу промышленность...» Уверенный в себе, не очень-то любезный промышленник давно стал благодаря отличному качеству продукции и сложившемуся престижу его фабрики краеугольным камнем всего берлинского истеблишмента, весьма неохотно вращался в кругах так называемого высшего общества. Он правильно оценивал свое положение — первый среди крупнейших промышленников и в то же время намного ниже тех, кто в действительности задавал тон. Поэтому его никогда не называли «парвеню», выскочкой, как позднее разбогатевших банкиров и спекулянтов. Борзиг, коренной берлинец, представлял собой фактор, который был крайне необходим городу. И он сам, по-видимому, хорошо знал и свои общественные возможности и их пределы.

«Он что, опять напился?»

Реальность этой самооценки подтверждает вилла, которую в 1847...1849 гг. на угловом земельном участке района Альтмоабит, 5 построил для Борзига архитектор Иоганн Хайнрих Штрак. Сам участок и обширный парк площадью около трех гектаров были, несомненно, одним из самых красивых частных владений Берлина. Однако, поскольку оно располагалось не в «кварталах высшего света» в районе Вильгельмштрассе, а вблизи фабрик и рабочих поселков, это не могло быть воспринято при дворе иначе, как дерзость.

Однажды его величество король соизволил почтить своим посещением владение Борзига. Об этом событии рассказывают сле-

дующий анекдот. Фридрих Вильгельм IV незаметно прогуливался по оранжереям известного во всем Берлине сада Борзига, когда его, наконец, увидела прислуга. Возбужденный садовник побежал к вилле, чтобы доложить о высочайшем визите. Госпожа Борзиг неодобрительно взглянула на вошедшего и спросила о нем в третьем лице: «Он что, опять напился?», на что садовник ответил: «Я не заметил за его величеством ничего подобного».

От паровозостроительной фабрики к горно-металлургическому концерну

Ботанический сад Борзига, разбитый Петером Леннэ, был настоящей достопримечательностью. Здесь произрастали великолепные тропические растения и среди них всемирно известная виктория-регия. Иногда фабрикант, разумеется за деньги, пускал публику полюбоваться оранжереями. Выручку, полученную в такие дни, он сдавал в инвалидную кассу своего предприятия. Сама вилла, смесь элементов различных стилей, романского, классического и ренессанса, говорила о богатстве и общественных амбициях владельца. Впрочем, большой парадный зал с исключительно дорогим мраморным цоколем и рельефными фризами обычно пустовал на протяжении всего года и выполнял свои скромные функции только на рождество, когда собирались все члены разветвленной семьи Борзига. Насколько полным было взаимопонимание между прусским правительством и паровозостроителем из Моабита, обнаружилось летом 1850 г., когда в руки Аугуста Борзига перешло машиностроительное предприятие Королевского общества морской торговли, приобрести которое в свое время напрасно добивался его американский конкурент Уильям Норрис. Управляющие государственной промышленностью не хотели препятствовать такому человеку, как Борзиг, в том, в чем они каждый раз отказывали его конкурентам, в том числе Герману Грузону, в прошлом работнику его предприятия.

Теперь предприятие стало в значительной степени автаркическим, здесь ковали, прокатывали и обрабатывали на токарных станках собственную сталь и выпускали, помимо паровозов, разнообразное железнодорожное оборудование. Не хватало только одного —

жизненно необходимого для предприятия угля. И тут бойцовский характер старого промышленного волка проявился в полной мере. Он с помощью умного дипломатического хода проник в фалангу магнатов Верхней Силезии, приобретя в 1854 г. у графского семейства Баллестрем, потерявшего интерес к горной промышленности, в наследственную аренду обширный рудничный комплекс. Этим путем Борзиг получил в свое распоряжение три из наиболее богатых угольных шахт: «Бертас вунш», «Хедвиг вунш», «Гуте Хедвиг».

Борзиг отлично понимал, что теперь у него было больше угля, чем когда-либо могло потребоваться его предприятию. Путь для превращения паровозостроительной фабрики в смешанный горно-металлургический и машиностроительный концерн был открыт. Но у основателя уже не было сил, чтобы завершить начатое дело. В начале июля 1854 г. он вместе с рабочими и многочисленными друзьями отмечал выпуск 500-го паровоза. Министр торговли Пруссии барон Аугуст фон дер Хайдт воспользовался этим удобным случаем и назначил прежнего плотницкого подмастерья тайным коммерции советником.

Жизнь угасает

А двумя днями позже Борзиг, которому было тогда около 50 лет, почувствовал себя плохо. Его биограф Курт Пирсон так описывает его кончину в книге «Борзиг — имя, которое обошло весь мир»: «На следующий день Аугуста Борзига охватила слабость. Но после глубокого ночного сна он вновь ощутил такой прилив сил, что занялся черчением и конструированием, а после полудня он был в исключительно добром настроении. После же 10 часов вечера он вновь занемог, его стали мучить ревматические боли. Поздно вечером наступил паралич мозга, в результате чего угасла жизнь, единственная в своем роде в Берлине.

Утром 10 июля от виллы в Моабите начала свое шествие похоронная процессия. С раннего утра на близлежащих улицах можно было видеть необозримую людскую толпу. В 8 часов почти все работники борзиганского предприятия «Берлинер Maschinenbauanstalt», неся увитые цветами знамена, собрались перед погруженным в траур домом. На многих

фабриках и вокзалах города были приспущены флаги. Самые видные представители науки и искусства во главе с убежденным сединой Александром фон Гумбольдтом, владельцы крупнейших торговых домов и предприятий, магистрат Берлина вместе с обер-бургомистром Краусником выражали свои глубокие соболезнования жене и сыну, вызванному из деловой поездки, но уже не заставшему отца в живых».

Альберту Борзигу было всего 25 лет, когда он возглавил одно из самых значительных промышленных в Берлине предприятий. Он получил прекрасное образование и еще в школе изучил формовочное дело. После ее окончания его взял под свое попечение ближайший помощник его отца, старший инженер Флерингер, который обучал молодого человека математике и механике. Затем он в течение года слушал лекции в Королевском техническом институте и проходил воинскую службу в артиллерии.

Феодалный стиль жизни

Однако без надежных, испытанных управляющих отца он вряд ли сумел бы уверенно вести предприятие через все препятствия и опасности. Первую серьезную ошибку Борзиг-младший совершил, когда, заразившись общей лихорадкой грюндерства, вместе с частными банкирскими фирмами Мендельсона и Дельбрюка обладал долей капитала «Акционерного строительного общества железнодорожных компаний Ф. Плесснер и К^о» (Берлин), которое эксплуатировало семь железнодорожных линий и, тем не менее, через несколько лет вынуждено было объявить о своем банкротстве.

Эту потерю он перенес довольно легко, поскольку фирма «Борзиг» имела здоровую основу и продолжала расширяться практически с неизменной скоростью. Если на производство первой тысячи паровозов предприятию потребовалось 18 лет, то вторая тысяча была выпущена за 10, а третья — всего за 5 лет. Альберт Борзиг превратил купленные отцом угольные шахты в самые современные и наилучшим образом управляемые во всей Верхней Силезии и переместил металлургическое производство поближе к ним. Две первые доменные печи были задуты в 1865 г., а через семь лет Борзиг ввел в строй действующих первый в Германии сталели-

тейный завод, оснащенный сименс-мартеновскими печами. В то время только на его верхнесилезских предприятиях было занято 3 тыс. рабочих.

Избалованный успехами наследник становился все более резким в отношениях с клиентами, а весь образ его жизни приобретал все больше феодальных черт. Когда ему исполнилось 32 года, Альберт Борзиг женился на двадцатилетней Анне, дочери Пауля Гутике, владельца дворянского поместья в местечке Вельна, что в провинции Позен. В соответствии со своим социальным положением он вместе с семьей обосновался в обширном дворянском поместье Грос-Бенитц в округе Вестхафельланд, приобретенном у королевского регирунгсесора (старший государственный чиновник) в отставке графа фон Итценплитца. Но этим он нажил себе злейшего врага — прусского министра торговли, которому попавший в финансовые затруднения прежний владелец поместья приходился братом. Именно он вместе с железнодорожным магнатом Штроусбергом подбил берлинского машиностроителя Луиса Шварцкопфа вести конкурентную борьбу с Борзигом путем организации собственного производства паровозов.

Новоиспеченный помещик не обратил на это особого внимания, так как был занят строительством собственного вокзала в Грос-Бенитце. Он считал, что Магдебургско-Хальберштеттская железнодорожная компания должна проложить линию из Лерта в Берлин непременно вблизи его поместья и построить там станцию. Родительская вила в рабочем районе Моабита его также уже не устраивала, и вот в самом шикарном районе Берлина, прямо на Вильгельмштрассе, на угловом участке, купленном у князя цу Плесе, он по проекту архитектора Фрица Вольфа построил себе городской дворец, соответствующий его общественному положению.

Богатые скульптурные украшения фасада здания создавали самые известные ваятели города, а внутреннее убранство, по крайней мере по затратам, превосходило все то, что сооружалось тогда в Берлине. Будущий хозяин дома постоянно менял свои планы, поэтому строительство затянулось более чем на три года. Альберт Борзиг не дождал до его завершения, потому что, как и отец, он стра-

дал заболеванием сердца. 10 апреля 1878 г., не достигнув и 50 лет, он стал жертвой своего недуга.

Смерть в штольне

Со смертью сына основателя фирмы «Борзиг» ее лучшие годы остались позади: ведь теперь дела вели три попечителя над наследственным имуществом во главе с советником юстиции Римом, поскольку три сына Альберта Борзига еще не достигли совершеннолетия. Под руководством этого мало динамичного исполнителя завещания фирма в годы большого спада захирела до такой степени, что 1 июля 1886 г. управляющие сообщили о прекращении фирмой производства паровозов в последующем, поскольку цены достигли уровня, «который не обеспечивал покрытия себестоимости при сложившихся условиях доходами от продажи продукции».

Руководители железнодорожной компании пришли в замешательство, конкуренты торжествовали. Краус и Маффей в Мюнхене, Хеншель в Касселе и все прочие паровозостроители даже в тяжелейшие времена продолжали выпускать свою продукцию и тем самым сохраняли свои позиции на рынке. Едва фирма «Борзиг» прекратила производство локомотивов, конъюнктура снова начала улучшаться, и Хеншель занял ведущие позиции в отрасли.

Богатое традициями берлинское предприятие пережило поздний расцвет, когда командные посты в нем занял триумвират сыновей Борзига — Арнольда, Эрнста и Конрада. Правда, Арнольд, старший из трех, ведший дела на верхнесилезском горнодобывающем и металлургическом предприятии, принадлежал к этой тройке недолго, всего 4 года. 1 апреля 1897 г. он погиб при взрыве газа в штольне шахты «Хедвигс вунш».

Его братья закрыли устаревшие мощности в Моабите и на Тегелерзее начали строительство совершенно нового предприятия, в ходе которого учитывались последние достижения машиностроения. Там они наладили выпуск паровозов перегретого пара, бывших по тому времени техническим новшеством. Этим самым они сохранили жизнь семейной фирме.

«Борзиг» прекращает платежи

Эрнст Борзиг заложил на одном из островов на Тегелерзее (под названием Райчвердер) роскошную виллу, своими размерами напоминавшую княжеский замок. Его же брат Конрад все свое время отдавал поместью Прильвиц в Померании, земельные угодья которого составляли 9 тыс. моргенов и которое братья приобрели совместно. Постепенно фирма навсегда утратила ведущее положение в производстве паровозов, и, когда после окончания первой мировой войны бразды правления оказались в руках четвертого поколения Борзигов, их семейная фирма в сравнении с недавно сформировавшимися машиностроительными концернами Германии стала играть всего-навсего роль статиста. Во время мирового экономического кризиса (1929...1932 гг.) Борзигам пришлось продать «АЭГ» за 9 млн. марок выделенную им Союзом немецких паровозостроителей производственную квоту компании для того, чтобы иметь возможность оплатить счета, срок платежа по которым наступил. Менее чем через год предприятие прекратило платежи и подало ходатайство о возбуждении судебного производства для предотвращения своей торговой несостоятельности. Без работы оказались 3 тыс. человек. Позднее предприятие семейства Борзигов на Тегелерзее было передано пушечной фабрике «Рейнметалл», принадлежавшей концерну Рехлинга.

Во времена третьего рейха вновь стали выпускаться паровозы фирмы «Борзиг». Примечательно, что это делалось в тесном сотрудничестве с предприятиями концерна «АЭГ», расположенными под Берлином. Особую известность приобрели два типа: паровоз обтекаемой формы «05», обладавший скоростью 200 км/ч, которая позволила быть ему самым скоростным поездом мира, и чудовище, названное «мамонтом», вес которого в рабочем состоянии достигал 140 т. Сегодня бывшие предприятия фирмы «Борзиг» принадлежат машиностроительному концерну «Дойче Бэбкок АГ», по иронии судьбы являющемуся английской фирмой. А ведь еще Аугуст Борзиг 150 лет тому назад поставил своей целью превзойти английских строителей паровых машин.

ШПИОНЫ И АВАНТЮРИСТЫ

В годы рождения германской промышленности тысячи столь же способных, сколь и честолюбивых, людей основывали собственные предприятия. Они были буквально заворожены возможностями техники. Они жаждали благосостояния или богатства, хотели стать свободными и независимыми, стремились властвовать над другими, желали удовлетворить свои творческие порывы или снизить даже самое незначительное уважение у соседей или жителей своей общины.

Исход этой гонки тысяч и тысяч грюндеров известен: немногие из них приобрели такую власть и такое богатство, о каких нельзя было и мечтать в первые годы грюндерства. Сотни, а может быть, даже тысячи создали более или менее крупные семейные предприятия. Старания же основной массы кончились плачевно. Почему же все произошло именно так? Тому существует множество объяснений. Однако если проследить историю действительно удачливых грюндеров, то неизбежно натолкнешься на тот весьма очевидный факт, что все они обладали пусть даже ничтожным, но все же преимуществом, которое позволило им одержать победу в конкурентной борьбе.

Такое преимущество могло быть самым разнообразным. Этим могло быть, например, наличие родительского дома, члены которого из поколения в поколение занимались торговлей или ремеслом и потому обладали знаниями, капиталом и связями, не хватавшими обычно новичку. И действительно, в истории германской промышленности случаи блистательной карьеры мойщиков посуды крайне редки. Напротив, многие крупные предприниматели были выходцами из старинных семей, в которых годами откладывали каждый гульден и с малых лет поверяли отпрыскам «тайны» разумного ведения хозяйства. Такими были семейства Круппа из Эссена, Хеша из Айфеля, Маннесмана из

Ремшайда, Хеншеля из Касселя и Оппенгейма из Кельна.

Нет необходимости говорить о том, что и все эти семьи выбились в высшие слои предпринимательского класса только потому, что кто-то из их членов обладал выдающимися способностями. Без таких «гениев» в своих рядах даже самые известные промышленные династии не поднялись бы выше среднего уровня. Грюндеры, не обладавшие «на старте» неоценимым преимуществом в виде зажиточной семьи с немалым опытом в той или иной сфере хозяйственной деятельности, должны были, если они хотели выжить, другими путями добиваться превосходства над конкурентами. Это могла быть техническая идея, изобретение, как у основателя концерна Вернера фон Сименса, или небольшой участок земли, в недрах которого случайно обнаруживаются огромные залежи каменного угля; как раз такой участок земли получила в наследство в 20-летнем возрасте очаровательная и энергичная Кристина Энглерт, основательница компании «Эшвайлер бергверкфайнс АГ».

«Ростовщическая, гипертрофированная жажда наживы»

Иногда в личности грюндера достаточно было наличия какой-либо аномалии, чтобы прижать конкурента к стене. Монстры с таким характером должны были быть либо необычайно хитрыми, либо крайне жестокими, необыкновенно выносливыми физически и, кроме всего прочего, в высшей степени везучими. «Какую низость, проникнутую ненавистью к человеку и вызывающую отвращение,— писал в 30-е годы XIX в. молодой Густав Мевиссен, позднее один из самых крупных и известных железнодорожных предпринимателей Германии,— демонстрировали мне торговцы, которых я посетил. Как раздувается и пыжится в своем са-

модовольстве ростовщицкая, гипертрофированная, не знающая никаких пределов и не признающая ничего святого жажда наживы!» Уж он-то знал, о чем говорит.

В детские годы капитализма люди не особенно строго придерживались моральных норм и законов. Нередки были случаи воровства, обмана, бессовестного похищения производственных секретов, клиенты становились жертвой надувательства, из рабочих выжимались последние соки. Это был разгул манчестеризма, так называемого либерализма с его вседозволенностью, если только речь шла о получении прибыли и достижении успеха. Об этом времени теперь можно думать как угодно. Ясно одно: без этих «диких лет» экономического возрождения погруженная в мечты бидермайеровская Германия никогда бы не смогла в столь непродолжительный период превратиться в промышленную нацию.

Немецкие мелкие княжества, после треволнений наполеоновской эпохи вновь погрузившиеся в заслуженный сон праведника, в экономическом отношении безнадежно отставали от восторжествующих англичан. Еще в 1840 г. мощность энергетических установок всей Германии (в границах созданной позднее Германской империи) не превышала 40 тыс. л. с., т.е. мощности установок современного реактивного широкофюзеляжного самолета. Такой же энергетической мощностью в тот период обладала крошечная Бельгия. Мощность же всех паровых машин, установленных к тому моменту в Англии, ведущей промышленной державе Западной Европы, достигала 620 тыс. л. с. Она в 15 раз превышала энергетический потенциал Германии. И подобно тому, как после окончания второй мировой войны вооруженные фотоаппаратами японцы «прочесывали» цеха западногерманских предприятий с единственной целью выведать новые технологии, некоторые из наиболее пронырливых немецких грюндеров тех далеких времен отправлялись заниматься шпионажем на другую сторону Ла-Манша.

Хеш прячется в печи

Эберхард Хеш, фабрикант чугуна и стали из Дюрена, отпрыск старинной промышленной династии, в 1823 г. пересек Ла-Манш. Он направлялся в Шеффилд, центр британской металлургии, где с недавнего времени начали применять новый, более производительный метод, так называемое пудлинговое* фришевание. Однако англичане хранили секреты производства точно так же, как и государственные тайны, и человек, обвиненный в шпионаже, мог рассчитывать на вынесение ему смертного приговора.

Тридцатитрехлетний немец пошел на риск, выдал себя за клиента и сумел попасть-таки на современный пудлинговый завод. Когда он начал проявлять интерес к тонкостям производства, рабочие заподозрили неладное и мастер приказал задержать его. Хеш бежал, спрятался в остывшей печи. Перемазавшись в саже, он вскарабкался по дымоходу так высоко, что его нельзя было обнаружить снизу. Он провел в узком переходе трубы долгие мучительные часы, надеясь ночью уйти с предприятия незамеченным. Но, к его ужасу, англичане начали делать необходимые приготовления, чтобы задуть печь. Он с грохотом полетел вниз и сбегал от ошеломленных английских сталеваров, окруженный гигантским облаком сажи.

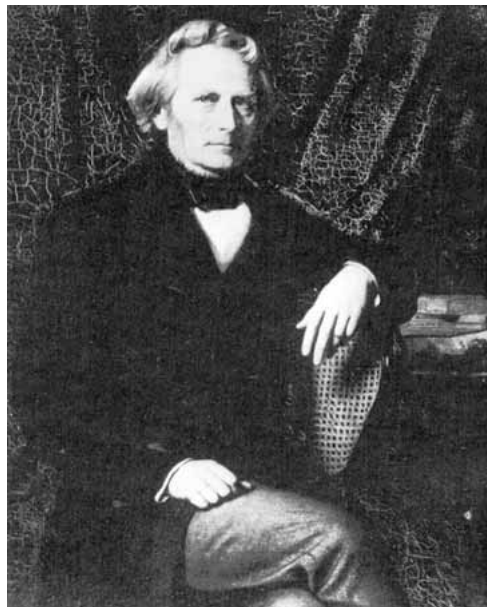
Хеш, не чуя под собой ног, удирал с территории предприятия, прятался на задворках и, в конце концов, нашел спасение в гавани, на борту французского фрегата. К счастью, его капитан не очень-то благоволил к англичанам и укрывал Хеша до тех пор, пока корабль не вышел за пределы территориальных вод. Авантюра Хеша полностью себя оправдала, так как через год полученные знания помогли ему построить близ Лендерсдорфа пудлинговый и сварочный завод, ничуть не уступавший английским предприятиям. Позднее благодаря стараниям Эберхарда и его племянника Леопольда фирма «Хеш» стала одним из крупнейших в Германии сталелитейных концернов.

* Пудлингование [англ. puddle перемешивать] – устаревший способ переработки чугуна в жезо; в настоящее время вытеснен бессемеровским, томасовским и мартемовским способами, а также электроплавкой.

Секреты, зашитые под подкладку

Удачно выступал на поприще промышленного шпионажа Иоганн Готфрид Брегельман из Кромфорда под Ратингеном, отпрыск известного семейства предпринимателей, построившего еще в 1784 г. первую механическую бумагопрядильную фабрику на немецкой земле. Юный Брегельман думал об установке новых механических ткацких станков, когда в начале прошлого века отбыл в Англию, где всеми правдами и неправдами проникал на предприятия текстильной промышленности и вечерами при свете сальной свечи делал чертежи того, что видел днем. Однако, поскольку отдельные детали были настолько сложны, что он не мог отобразить их на бумаге, он, недолго думая, воровал их и зашивал за подкладку одежды, чтобы они никому не попадались на глаза. Дома, в Ремшайде, ремесленники по его указанию изготовили копии с этих деталей. Вскоре он уже руководил текстильной фабрикой, которая ничем не отличалась от британских.

Технологическое отставание легко компенсировалось и другим способом. Например, Фридрих Харкорт, крупнейший наряду с Францем Диннендалем пионер промышленности XIX в., в 1819 г. тоже направился в Англию, но не удовлетворился простым шпионажем, а завербовал нескольких лучших британских металлургов для своей новой механической мастерской в Бург-Веттере. Иностранные рабочие Харкорта Томас, Гудвин, Обри и Ричмонд быстро научили немецких коллег тому, как по ту сторону пролива выплавляют и обрабатывают сталь, хотя британская корона строго-настроено запрещала своим подданным любую деятельность, предающую интересы родины. Благодаря английской технологической помощи в лице инженера Гудвина известный металлургический завод «Гутехоффнунгсхютте» в Штеркраде в 30-е годы также узнал, каким должно быть современное сталепрокатное производство, а английский инженер по имени Доббс стимулировал развитие предприятия «Хермансхютте» близ Херде, принадлежавшее Герману Дитриху Пипенштоку. Если бы технологический обмен не функционировал в то время так хорошо, то перед стоявшей на пороге промышленного развития Германией возникла бы угроза опуститься до положения колонии.

Фридрих Харкорт

Подделываются английские товарные знаки

Необходимо иметь в виду, что несколько умелых британских предпринимателей уже готовились к промышленному порабощению заброшенного континента. Так, сыновья очень богатого англичанина Уильяма Коккерилля, словно стая голодных волков, вдоль и поперек рыскали по рейнско-вестфальскому району, строили там металлургические, машиностроительные и текстильные предприятия и, наконец, учредили правление своего широко разветвленного концерна в бельгийском городке Сераинг. Позднее они породнились с богачами Ханиэлями.

А в самом центре крупнейшего в будущем промышленного района Германии ирландец Уильям Томас Малвэни создал крупный концент, объединивший угольные шахты и металлургические заводы. Впрочем, немцы были прилежными учениками, а некоторые из них по меньшей мере по силе характера и хитрости ни на йоту не отставали от англичан. К примеру, ряд аахенских фабрикантов, производивших швейные иглы, или точильщики ножей из Золлингена и токари из Ремшай-

да начали бесцеремонно копировать английские товарные знаки и ставить их на свою продукцию куда более низкого качества.

«Made in Germany» тогда еще никому ничего не говорило и тем более не являлось гарантией качества. Подобно нынешним промышленным пиратам из Гонконга и Тайваня, эльберфельдские ткачи шелка копировали французские узоры, а сам Альфред Крупп, имя которого впоследствии стало гарантией высокого качества немецких товаров, поначалу даже продавал свои ломкие отливки под видом «лучшей английской стали».

Мошеннические упаковки, использовавшиеся фабрикантами швейных иголок

Пионеры промышленного развития Германии без зазрения совести обманывали своих клиентов не только в качестве товаров, но и в их количестве. Уже сравнительно давно фабриканты швейных иголок из Аахена и Изерлона научились выпускать мошеннические упаковки, в которых было меньше игл и больше балласта, ткачи из Гладбаха и Эльберфельда подмешивали хлам в хорошую пряжу, а вулпертальские фабриканты вязаных изделий увлажняли свои продававшиеся на вес изделия. «Едва сдерживавшаяся существующим порядком, но зато подстегивавшаяся либеральным экономическим учением в предпринимательстве... торжествовала бесцеремонная погоня за собственнo выгодой, борьба за свои собственные интересы», — жаловался историк развития экономики Фридрих Цункель.

Коррупция и обман, разумеется, и сегодня являются такой же неотъемлемой частью деловой жизни, как и заключительное «аминь» в церковной службе. Однако, если во второй половине XX в. то и другое воспринимается как одиозность, то на заре капитализма это было самым привычным делом. Даже хозяева самых солидных предприятий не гнушались проталкивать на рынок неходовые товары с помощью витамина «В» (для тех, кто плохо разбирается в экономике: «В» означает «Bestechung» — взятка). Так, известно, что Альфред Крупп «баловал» нужных ему чиновников прусского военного министерства подарками и щедро снабжал их деньгами, чтобы «переброситься в картишки».

50 см золота для Лолы Монтеc

Когда в 1846 г. Вильгельм Люг с металлургического завода «Гутехоффнунгсхютте» в Оберхаузене отправился в Мюнхен, чтобы заполучить от Королевской баварской железной дороги крупный заказ на производство нескольких десятков километров рельсов, он прихватил с собой кусочек рельса длиной 50 см, отлитый из чистого золота. Это довольно неудобное украшение предназначалось для танцовщицы Лолы Монтеc, возлюбленной единовластно правившего Баварией короля Людвига I. Пылкая дама ничего не понимала в рельсах, но зато хорошо разбиралась в золоте. Она позволила прекрасно выглядевшему директору стального концерна убажывать себя и даже официально появлялась с ним в ложе Королевского оперного театра. Само собой разумеется, «Гутехоффнунгсхютте» получил заказ на рельсы, что, впрочем, не очень-то обрадовало Клару Люг, супругу господина генерального директора.

Хуже всего в эпоху раннего капитализма предприниматели обращались с рабочими, которые не имели никакой возможности защищать себя. Рабочих мест не хватало, а с северных равнин в промышленные районы текли нескончаемые потоки полуголодных, неграмотных людей. Тогда еще не существовало рабочих организаций, не было законов об охране труда и никого не волновала судьба угнетенных, эксплуатируемых наемных рабов. Хозяин мог обращаться с ними, как ему заблагорассудится, а тот, кто имел смелость роптать, проявлять недовольство, был обречен на голодную смерть.

Кроме того, рабочие должны были расплачиваться за ошибки и бесхозяйственность хозяев, которые при благоприятной конъюнктуре бешено наращивали производство, а в периоды неизбежных спадов бесцеремонно выбрасывали рабочих на улицу. Во время аграрного кризиса 1846/47г. только в Крефельде 4,5 тыс. из 10 тыс. ткачей потеряли работу. В такие времена размеры заработной платы, которой едва хватало на жизнь, резко уменьшались.

Эксплуатация детей

Чтобы не умереть с голоду, родители посылали своих детей на работу. В марте 1839 г. Фридрих Энгельс писал в «Письмах из Вупперталя»: «... в одном Эльберфельде из 2500

детей школьного возраста 1200 лишены возможности учиться и растут на фабриках — только для того, чтобы фабриканту не пришлось платить взрослому рабочему, которого они заменяют, вдвое больше против той заработной платы, какую он дает малолетнему». Даже дети моложе 9 лет вынуждены были ежедневно по 14 часов работать в тяжелейших условиях.

И только когда военный министр Пруссии фон Хорн с тревогой констатировал, что «призывной материал» с каждым годом становится все хуже, на свет появилась королевская фабричная директива от 9 марта 1839 г., которой запрещался фабричный труд детей моложе 9 лет и до 10 часов ограничивался рабочий день для детей в возрасте до 16 лет. Незадолго до революции 1848 г. только на предприятиях рейнско-вестфальской текстильной промышленности, по официальным данным, трудились 20 тыс. детей, не достигших 14 лет.

Однако одними законами трудно было одолеть порочную практику натуральной оплаты труда. Например, многие фабриканты скобяных и текстильных изделий в Зауэрланде принципиально не выдавали своим рабочим денег на руки, а вынуждали их по повышенным ценам получать товары в магазинах розничной торговли и пивных, которые они же сами и содержали. Хотя в Пруссии эта так называемая траковая система оплаты труда в натуральной форме была запрещена 9 февраля 1849 г., многие владельцы фабрик сохраняли эту столь приятную для них порочную практику с той лишь разницей, что теперь они не просто посылали своих рабочих в лавки, а совали им в руки так называемые векселя. Эти талоны с большими потерями можно было обменять на наличные только в определенных учетных банках или в тайных меняльных лавках («черных биржах») работодателя. В Золингене, городе, где производили ножи, еще в 1861 г. 209 из 383 предпринимателей содержали подобные — официально запрещенные — меняльные лавки.

Сын швабского крестьянина приезжает на Рейн

Однако трюков подобного рода было явно недостаточно, чтобы мелкий фабрикант мог пробиться в верхний класс создателей концернов. «Творцы крупных предприятий при

всех их недостатках и чудачествах были людьми другого калибра. Поворотным пунктом, отправной точкой развития промышленности в первые годы грюндерства была техника.

И половину, если не больше, грюндеров составляли изобретатели. Позднее одной творческой мысли стало не хватать. Тот, кто хотел отвечать требованиям большого бизнеса, должен был уметь руководить людьми, быть финансовым «гением» или по меньшей мере обладать особым талантом получать кредиты, обладать способностью из тысяч всевозможных проблем выделить две-три проблемы, имеющие решающее значение для дальнейшего существования предприятия, излучать непоколебимый оптимизм. Он не имел права только на одно — на капитуляцию.

При соблюдении этих условий грюндер мог без особых тревог красть патенты, разузнавать многое о своих конкурентах, издеваться над своими рабочими и причинять им неприятности или просто влюбляться в пикантный аромат коровьего навоза, как это делал «король» Альфред Крупп. Таким твердым как сталь грюндером был заклятый соперник Круппа Якоб Майер, основавший один из первых рурских концернов — «Бохумер ферайн фюр бергбау унд гусштальфабрикацион». Он не получил в наследство ничего, что предопределяло бы его судьбу родоначальника крупного предприятия тяжелой индустрии Германии. Среди его предков не было предпринимателей, и сам он не был выходцем из Рурской области. Он родился в семье швабского крестьянина из Дуннингена под Ротвайлем.

Родившийся 1 мая 1819 г. крестьянский парень очень рано начал проявлять интерес к механическим игрушкам и мечтал стать часовых дел мастером. Однако швабские часовщики принимали в учение только своих собственных сыновей или ближайших родственников, ибо хотели сохранить секреты мастерства в семье. Якобу Майеру повезло в том, что один из его родственников с материнской стороны в один прекрасный день приехал в Кельн и основал там, на Хэмергассе, часовую мастерскую. Вот почему после окончания школы деревенский увалень из Швабской Юры отправился на Рейн, чтобы научиться у мастера Доменикуса Мауха высокому искусству часовщика.

Дыра в полу комнаты на чердаке

Его учитель отнюдь не был рядовым ремесленником. В течение многих лет в послерабочее время он занимался решением проблемы, как наладить собственное производство часовых пружин. Пружины были самой дорогостоящей деталью часов, изготавливали их из литой стали, а последняя имелась только в Англии. В то же самое время, когда в 100 километрах ниже по течению Рейна некто Фридрих Крупп колдовал над своими плавильными тиглями, Доменикус Маух тоже ломал голову над тем, как получить чистую, бесшлаковую^{*} литую сталь. И ему тоже было известно, что англичанин по имени Бенжамин Хантсмен, часовщик, как и он сам, уже в 1740 г. решил этот вопрос. И вот, обладая фантазией средневекового алхимика, он опробовал всевозможные методы, не сумев, впрочем, получить ни грамма стали.

Якоб Майер был так заворожен опытами дяди, проводившимися в глубокой тайне, что просверлил дыру в полу своей комнаты на чердаке, чтобы наблюдать за происходящим внизу, в лаборатории.

Горящими глазами следил он за всеми действиями учителя. Позднее он вспоминал: «Каким же неправильным путем шел этот добрый человек в своих опытах». Тогда он, конечно, не мог знать этого, но, будучи целеустремленным и упрямым, он решил, что сам доведет дело до конца. И то, как он этого добился, доказывает, что он был сделан совсем из другого теста, чем его дядя.

Едва закончив учение, Якоб Майер отплыл в Англию, чтобы искать решение проблемы там, где его действительно можно было найти. Молодой шваб, в свободное время вызубривший английский, нанимаются на работу на различные сталелитейные предприятия до тех пор, пока не нашел то, где выплавлялась знаменитая тигельная сталь. Как долго он там работал, неизвестно. Но из его записей следует, что его пребывание в Англии закончилось неожиданно. Весьма вероятно, что его застали в тот момент, когда он пытался вывести строго охранявшиеся производственные секреты.

Партнер найден по газетных объявлениям

Как и его предшественник, фабрикант Эберхард Хеш из Дюрена, Якоб Майер вынужден был сломя голову бежать из Англии, и ему тоже удалось найти капитана, который, приняв его на свой корабль под видом судового слесаря, переправил через Ла-Манш. Хотя позднее Майер утверждал, что он вернулся домой, «не имея никаких точных данных», он все же, видимо, выведал в Англии многое, вполне достаточное для успешного проведения собственных опытов. Ему было около 22 лет, когда он вновь объявился в Дуннингене и начал плавить сталь в чулане родительского дома.

В 1836 г. он достиг своей цели. Впрочем, ему, по-видимому, было неизвестно, что в Эссене у его ровесника Альфреда Круппа на литье стали уже работали 80 человек и одна паровая машина. Точно он знал только одно: Дуннинген — это не место для сталелитейного предприятия. Он снова переехал в Кельн, где Якоб Фольк, его хороший друг, а позднее шурин, имел крестьянский двор и кирпичный завод. У него Майер купил земельный участок в предместье города Ниппесе и на собственные сбережения, часть наследства и ссуду, предоставленную братьями, построил свои первые мастерские, которые он позднее назвал «временным металлургическим заводом».

Поскольку вскоре у него кончились деньги, он, помещая в газетах объявления, начал искать себе «партнера, который может пустить в дело 1200 талеров». И этот выстрел наугад неожиданно попал в цель. Объявился некий Эберхард Хеш, тот самый металлургический фабрикант из Дюрена, который в Англии распознал секреты технологии пудлингования и сумел построить за счет этого процветающий металлургический завод. Оба одержимых сталевара поведали друг другу о своих английских приключениях и очень скоро почувствовали взаимную симпатию. В 1839 г. они заключили договор о создании общества.

Хеш вложил в дело достаточно средств, чтобы превратить мастерскую Майера в

^{*} Шлак [нем. Schlacke] — в металлургических плавильных процессах — расплав (после затвердевания — стекловидное или каменистое вещество), покрывающий поверхность жидкого металла и состоящий из всплывших продуктов металлургических реакций.

Ниппесе в «фабрику регулярного производства». Однако их партнерство продолжалось всего три года. Затем осмотрительный коммерсант из Дюрена понял, насколько рискованно заводить предприятие «вдалеке и без самоличного надзора». Хеш вышел из дела, и Майер снова дал объявление в газету. На сей раз откликнулся кельнский богач Эдуард Кюне. Майер объяснил ему, что сталелитейное производство рентабельно, если ведется с большим размахом. Для этого нужна была новая фабрика в другом месте, поскольку Кельн находился далеко от угольных и рудных месторождений.

Непобедимый соперник

В конце концов, оба остановились на Бохуме, в то время маленьком городишке, насчитывавшем всего 4000 жителей, и приобрели за 1330 талеров у торговца Петера Ф. Д. Крамера участок земли площадью 2 моргена* 55 рут у дороги на Эссен в четверти часа езды от центра города. Со строительства бохумской фабрики, которой руководили техник Майер и коммерсант Кюне, началось десятилетие ожесточенной борьбы с конкурентом из Эссена Альфредом Круппом, который скромно отказывал новичкам в праве на существование.

Якоб Майер как металлург, разумеется, намного превосходил Круппа. Он сумел в одиночку, пусть и с помощью приобретенных в Англии знаний, открыть тайну стали. Он был первым, кто научился получать из стали не только слитки, но и заготовки любой формы. Изобретение фасонного стального литья, по сути дела положившего начало «стальной эре», Крупп никак не мог простить непрошеному гостю из Швабии. В своей ненависти и изощренности интриг Альфред Крупп был непобедим. Один раз он обвинил Майера в обмане и подлоге, другой – в том, что последний похитил у него секреты фасонного литья. А однажды с помощью агентов, засланных на фабрику в Бохуме, он организовал саботаж производства на предприятии конкурентов.

Ирония судьбы

Поэтому Крупп, хотя он и хуже разбирался в стали, в конечном счете, оказался более удачливым и как предприниматель. Его энергичному, но менее ловкому в делах швабу недоставало крупновского умения показать товар лицом. Он был неважным продавцом и никуда не годным коммерсантом. Его партнер Кюне также чувствовал, что не выдержит бурной деятельности Майера, направленной на постоянное расширение предприятия, и, в конце концов, фирма «Бохумер ферайн», недалеко уйдя в этом отношении от Круппа, попала в серьезные финансовые затруднения. Если, однако, эссенскому гиганту благодаря состоятельным родственникам и умению выколачивать кредиты каждый раз удавалось легко преодолевать подобные трудности, то фирма «Майер унд Кюне» к осени 1853 г. оказалась на грани финансового краха, хотя она уже производила рекордное количество стали – 1,7 млн. фунтов.

Если кто-либо в те времена и предполагал, что за внезапной спешкой, с какой кредиторы наседали на сталелитейную фабрику в Бохуме, скрывается направляющая рука ее эссенского конкурента, то он нашел бы подтверждение своим догадкам, увидев среди первых в списке кредиторов родственника Круппа, коммерсанта Иоганна Фердинанда Вильгельма, против фамилии которого была обозначена сумма капиталов в 10 тыс. талеров. Во всяком случае, Майер и Кюне оказались несостоятельными единоличными владельцами, и в январе 1854 г. компания отошла к акционерному обществу «Бохумер ферайн фюр бергоау унд густгальфабрикацион», в котором решающий голос был отдан таким кельнским банкирам, как Оппенгейм и Мевиссен.

Генеральным директором стал железнодорожный эксперт Луис Бааре, доверенное лицо Оппенгейма, бывший (как и Вильгельм Люг из «Гутехоффнунгсхютте») одним из первых принятых в Руре на службу управляющих. Основатель предприятия Якоб Майер оставался его техническим директором до самой смерти, последовавшей в 1875 г., и именно ему «Бохумер ферайн» обязано тем, что его продукция, в первую очередь колокола, оси, рессоры, колеса, рельсы и пушки,

* Морген [нем. Morgen] – земельная мера в Германии (0,26...0,36 га) и в ряде стран Южной Африки (0,86 га).

Райнхард Маннесман

Макс Маннесман

всегда считалась лучшей на континенте. К этому времени оно уже давно стало крупным предприятием, насчитывавшем 4,5 тыс. рабочих. Активы общества уже достигали 27 млн. марок. По иронии судьбы, после второй мировой войны «Бохумер ферайн» все-таки очутился в сфере влияния концерна Круппа, хотя им руководил уже не Крупп, а Бертольд Байтц.

Рискованные предприятия братьев Маннесман

Якоб Майер был одним из тех гениальных инженеров, которые, будучи грюндерами, благодаря своим идеям получили определенные преимущества перед конкурентами, но которым впоследствии оказались не под силу собственные предприятия. С ним произошло то же самое, что и с пионерами вестфальской тяжелой промышленности Францем Диннендалем и Фридрихом Харкортотом. Через несколько лет братья Маннесман пережили аналогичную печальную ситуацию. Шесть сыновей (Райнхард, Макс, Альфред, Карл, Роберт и Отто) ремшайдского фабриканта Райнхарда Маннесмана, на предпри-

ятии которого производились напильники, вписали одну из самых интересных страниц в историю германской индустрии. Они были кем угодно — изобретателями, пионерами, конструкторами, первооткрывателями и колонизаторами, — но только не предпринимателями.

Поколения их предков можно проследить вплоть до Тридцатилетней войны, ибо Маннесманы на протяжении столетий в Зауэрланде ковали изделия из высококачественной стали. Их дядя по имени Арнольд стал основателем эльзасской тяжелой промышленности в Мольсхайме, а отец Райнхард, родившийся в 1814 г., считался одним из самых крупных и прогрессивных предпринимателей в западной части Пруссии. Вместе с тремя братьями он построил в Ремшайде инструментальную фабрику, о которой историк Альфонс Тун писал в 1836 г.: «Фабрика Маннесмана позволила проложить путь. Она для Ремшайда то же, что для Золингена — Хенкели, зачинатели новой формы промышленного предприятия и машинной техники».

Маннесман во многом механизировал производство напильников и одним из пер-

вых глав немецких фирм отказался ставить на своей продукции английские и американские товарные знаки. Куда больший интерес, чем дело всей жизни этого уважаемого создателя фабрики средней руки, представляют достижения его сыновей. Все шестеро – инженеры. Самым талантливым из них был, безусловно, Райнхард, старший из братьев. Уже своей дипломной работой «Взаимодействие свободного углерода с чистым железом при повышении температуры» он привлек к себе внимание специалистов, так как сделанные им научные выводы позволили создать броневые плиты нового типа, снаружи обладавшие твердостью стекла и бывшие мягкими изнутри.

Как были созданы бесшовные трубы

Вместе с братом Максом Райнхард Маннесман разработал новый технологический процесс, который на весь мир прославил их фамилию и который даже сегодня составляет основу всей деятельности разросшегося до огромных размеров концерна Маннесмана: технологию производства бесшовных труб. Ни одна фирма в мире не владеет этим способом так, как «Маннесман». По их трубам идет большая часть нефти и газа из Сибири, Аляски и Саудовской Аравии. При этом не следует забывать о том, что братья Маннесман были едва не разорены своим эпохальным изобретением.

Занимаясь изучением теоретических проблем физики стали, Райнхард Маннесман открыл, что под воздействием центробежной силы внутри раскаленной массивной стальной заготовки образуется полость. Когда он вместе с братом Максом приступил к практической реализации новой идеи, оба вынуждены были прийти к выводу, что обычных для того времени чугунных маховых колес уже недостаточно для получения необходимой скорости вращения. Поэтому Райнхард сконструировал новый маховик, который при увеличении числа оборотов в 4 раза давал в 16 раз большую центробежную силу. Однако это сделало непригодными все имеющиеся в наличии узлы сцеплений. Тогда он быстро разработал новые соединительные муфты, которые впоследствии можно было использовать и для других целей. К тому времени младшие братья Альфред и Карл заинтересовались идеей и, прервав учебу в

университете, начали помогать старшим в их опытах.

В ночь на 21 августа 1886 г. ровно в половине третьего на свет появилась первая в мире бесшовная стальная труба. Когда братья подали заявку на патент, эксперты только покачали головами: «Не может быть, чтобы это в действительности функционировало!» Только после того, как под контролем специально созданной технической комиссии братья изготовили вторую трубу, им был выдан патент. Изобретателям стало ясно, что на этой технологии они могут заработать большие деньги. Они сразу же учредили Общество по производству бесшовных стальных труб с предприятиями Германии, Австрии и Англии. Но путь от лабораторных испытаний к серийному промышленному производству оказался настолько утомительным и дорогостоящим, что вскоре финансовые резервы семьи были истощены. Поначалу банки не скупались на кредиты, но, когда Карл Фюрстенберг, глава «Берлинер хандельсгезельшафт», будучи на фабрике у братьев Маннесман, случайно обнаружил «кладбище», на котором покоились сотни бракованных труб, время получения кредитов без особого труда миновало. Братьям пришлось ликвидировать свою фирму по производству труб.

Как и в случае с «Бохумер ферайн», все производство труб перешло к одной акционерной компании, находившейся под контролем «Дойче банк». Феликс Пиннер, специалист, ведший раздел экономики в берлинском журнале, писал в тот период: «Предприятию потребовалась длительная «пристрелка», прежде чем оно встало на почву здоровой и устойчивой рентабельности. Оно относится к числу «изголодавшихся» фабрик, и даже для финансовых возможностей «Дойче банк» оно оказалось крепким орешком».

Авантюра в Марокко

Для изобретательных братьев Маннесман это не было большим несчастьем, так как их таланты могли успешнее проявляться только «на охотничьей тропе», а никак не в обстановке бюрократии, свойственной концерну. «В их головах постоянно зрели смелые и почти всегда удачные идеи о техническом прогрессе», – писала в то время Вельтбюне. Несколько бурно протекал этот процесс, стало ясно, когда второй по старшинству брат

Макс и младший Отто предложили очередную техническую новинку. Они изобрели вишечную газовую лампу, которая давала больше света, служила дольше и потребляла на 60% меньше газа, чем все известные до этого времени лампы.

После того как братья основали «Маннесман-лихтгезельшафт», на них вновь посыпались неприятности. На сей раз со стороны конкурентов. Фирма «Эрих унд Гретц» попыталась оспорить патент братьев, но безуспешно. В конечном счете, ей, как и господствовавшей на рынке компании «Ауэр-гезельшафт», пришлось приобрести у Маннесманов дорогие лицензии. Лампы братьев Маннесман затмили собой все остальные осветительные системы и стали для них колоссально выгодным делом.

Но их самый смелый замысел, чуть не ставший причиной европейской войны, привел семейство Маннесман в далекую Африку. Райнхард и Альфред, все так же богатые идеями и жадные до дела, после своей неудачи с трубами сочли, что в Европе им слишком скучно. Они исколесили всю Сахару, подружились с шейхами бедуинов и начали систематически вести там геологическую разведку, а также проводить сельскохозяйственные исследования. Особенно понравилось им Марокко, огромная страна, в которой колониальные власти, представленные французами и испанцами, не имели практически никакого веса, поскольку владели, по сути дела, лишь несколькими участками узкой прибрежной полосы.

Мировая война из-за семейства Маннесман?

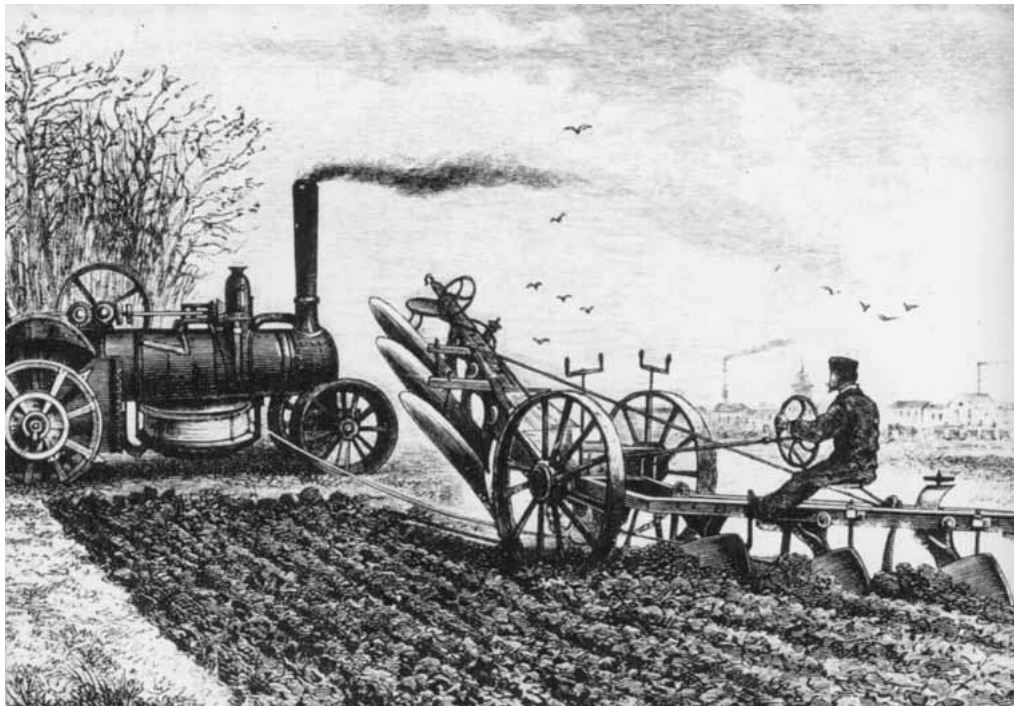
В негостеприимной центральной части страны правили шейхи бедуинов, испокон веков враждовавшие между собой. Братья Маннесман научились бегло разговаривать по-арабски и даже овладели некоторыми диалектами. Они стали прекрасными наездниками и исключительно меткими стрелками. Поэтому им не составило особого труда, сидя у ночных лагерных костров, привлечь на свою сторону влиятельных вождей племен. То, что представлялось братьям в их мечтах, приобрело поистине гигантские масштабы. Они вознамерились сделать громадную страну с ее необъятными богатствами зем-

ных недр «кладовой» германской тяжелой промышленности и попутно превратить пустыню в Эдем, земной рай. Они создали «Марокко-Маннесман-компани», которая мало-помалу завладела 2 тыс. рудных концессий и 90 тыс. га пахотных угодий, построила 14 факторий и торговых домов, разбила плантации сахарного тростника, хлопка и фруктовых деревьев, выращивала на образцовых фермах зерно, посадила целые леса и, наконец, занялась еще виноградарством. Но крупное колониальное предприятие, сравнимое разве что с английской Ост-Индской компанией, очень скоро попало в орбиту мировой политики. Старые колониальные державы — Англия, Франция и Испания — не могли потерпеть вторжения частного немецкого предпринимательства в их исконные вотчины. Началась пресловутая марокканская афера, ставшая символом зарождавшегося германского империализма и едва не приведшая к войне.

Ампутированы искромсанные конечности

Речь шла исключительно о компании «Маннесман», когда германский рейхсканцлер князь Бернгард фон Бюлов потребовал от Франции и Испании «открытых дверей» в Марокко и добивался созыва конференции в Альхесирасе, которая, впрочем, завершилась для Германии не совсем удачно. И «прыжок пантеры в Агадир», доведший французов до белого каления, был предпринят только в интересах марокканской компании братьев Маннесман. А ведь у Франции были все причины испытывать благодарность к двум братьям-немцам. Дело в том, что, когда во время восстания арабов в Касабланке жившие там французы бежали в порт, а их жизни угрожала взбунтовавшаяся толпа, Райнхард Маннесман с небольшой группой своих людей вклинился между фронтами и спас тем самым французскую колонию Касабланки от верной гибели.

Чуть позже французские военные корабли обстреляли город, и у Райнхарда Маннесмана, совершавшего в тот момент свадебное путешествие с молодой женой, появилась возможность оказать помощь арабам. Супружеская пара организовала санитарную службу, причем Маннесман, не будучи врачом, собственноручно удалял из ран осколки сна-

Паровой плуг Макса Эйта

рядов и ампутировал искромсанные конечности. Еще один героический поступок он совершил, когда его брат Альфред, проникший в тогда еще не исследованные южные районы Сус, попал в плен к фанатичным кабилам, и был на волосок от смерти.

Марафон через пустыню

Райнхард с отрядом вооруженных людей сел в Касабланке на корабль, взял курс на юг. В последнюю минуту освободил брата и в сопровождении одного-единственного слуги безостановочно, в течение 40 часов без передышки мчался верхом на лошади через районы восставших кабилских племен до самого Фецца, так как узнал, что французские конкуренты из Танжера собирались вот-вот оттяпать у него его рудные концессии. Ему действительно удалось попасть в Фецц раньше французов, а затем успешно отстаивать свои права перед международным арбитражным судом, который собрался специально для того, чтобы не допустить немецкий капитал в Марокко. Лишь первая миро-

вая война изгнала семейство Маннесман из Марокко. «Они хотели быть не больше чем мирными колонизаторами, но в мировой политике, по сути дела, выступали как империалисты», — признавал берлинский журналист Феликс Пиннер. Африканские приключения лишь отчасти заняли неутомимых жителей Ремшайда. Попутно они учредили фирму «Маннесман-Мулаг-верке», производившую грузовики, небольшие легковые автомобили и мотоплуги. Незадолго до смерти, наступившей 20 февраля 1922 г., 66-летний Райнхард поставил себе целью решить жилищную проблему с помощью нового изобретения — «литых бетонных домов». Феликс Пиннер написал в посвященном ему некрологе: «Будь среди шести техников хотя бы один крупный финансист, фамилия Маннесман затмила бы, вероятно, все остальные имена германской промышленности». А так имя братьев сохранилось лишь в названии только одного, хотя и гигантского концерна, с которым они, собственно говоря, по настоящему никогда не имели дела.

ГЛАВА 3

МАГНАТЫ

Самой экзотичной, по современным представлениям, группой промышленных грюндеров были, пожалуй, магнаты Верхней Силезии. Владетельным князьям, владевшим крупными поместьями в Оппельне, административном округе Пруссии, повезло в том, что в недрах земли прямо под их лугами, пашнями и лесами находились запасы полезных ископаемых, разработка которых оказалась выгодным делом. В отличие от грюндеров — буржуа вестфальской части Рура ведение горного дела и занятие металлургией не представляли для магнатов арены ожесточенной борьбы за самоутверждение. Это было для них скорее случайным, побочным делом, которым они занимались зачастую подилетантски.

Немудрено, что история верхнесилезских горно-металлургических концернов коренным образом отличается от истории концернов Круппа, Тиссена или Ханизля. Магнаты были богаты еще до того, как они занялись рискованным и хлопотным делом — промышленным бизнесом. При этом они, за редким исключением, гораздо хуже разбирались в предмете своей деятельности, чем чистокровные предприниматели из Рура. Магнаты обставляли свое дело беспримерной роскошью и вели его с налетом романтики и авантюризма. Для них все это была все-го-навсего захватывающая игра, и они крайне недоумевали, если вдруг оказывались в проигрыше.

Они буквально сорили деньгами, возводили себе хоромы по образцу Версальского дворца и нередко выслушивали отчеты своих директоров во время лечебного моциона или за игорным столом в казино. С бессердечной жестокостью они относились, однако, к своим рабочим, которым приходилось тру-

диться в несравненно худших условиях, чем горнякам и шахтерам из Рурской области. Любовные похождения с красивыми женщинами волновали их гораздо больше, чем безопасность людей, занятых на подземных работах в их рудниках и шахтах. История силезской горнодобывающей промышленности — это летопись авантюристических карьер, необычайных усыновлений и браков по расчету, банкротств и скандалов, социальной нужды и классовой ненависти, но одновременно и незаурядных личностей, блеска и богатства привилегированных господ.

Горнодобывающая индустрия существовала в Верхней Силезии задолго до начала эпохи грюндерства. Кричный горн использовался уже за пятьсот лет до этого. Первое письменное упоминание о нем содержится в документе, датированном 1365 г. В 1709 г. в Альгхаммере заработала первая доменная печь на древесном угле. После того как Старый Фриц^{*} в Семилетней войне отобрал Силезию у своей исконной соперницы Марии-Терезии, он направил туда нескольких своих наиболее способных чиновников, чтобы форсировать там развитие горнодобывающей промышленности. Уже тогда в департаменте Бреслау насчитывалось 12 доменных печей, 28 критчных горнов, 34 критчные печи и 17 чугунных молотов.

В 1796 г. в Гляйвице задута первая на Европейском континенте доменная печь на коксе^{**} — на Руре в это время все еще паслись коровы. В течение десятилетий прусская администрация оставалась движущей силой развития верхнесилезской горнодобывающей индустрии, так как для большинства крупных землевладельцев возня с углем и чугуном все еще оставалась чересчур грязным и сложным делом. Правда, государство не ос-

* Старый Фриц — прозвище прусского короля Фридриха II.

** Кокс [нем. Koks] — твердая, спекшаяся углеродистая масса; получается из каменного угля или торфа нагреванием их без доступа воздуха до температуры 1000°С и выше.

ставляло им никакого выбора, ибо Пруссия вплоть до XIX в. сохраняла за собой исключительное право на разработку земных богатств. Благодаря усердию таких чиновников, как барон Фридрих Антон фон Хайнитц и граф Фридрих Вильгельм фон Реден, командовавших армией силезских шахтеров, Пруссия смогла почти до 1806 г. по уровню развития горнодобывающей и металлургической промышленности идти в ногу с Англией. Затем дела стали ухудшаться, поскольку британские конкуренты активнее внедряли паровые машины, неуклонно наращивали производство и наводняли европейский рынок дешевым углем.

«Золотой треножник» Верхней Силезии

Знатные землевладельцы стали проявлять к горнодобывающей промышленности повышенный интерес, когда переселившийся из Гарца «верхнесилезский Фауст» Иоганн Кристоф Руберг зимой 1808/09 г. после целого ряда всевозможных экспериментов на металлургической фабрике «Вессолахютте», принадлежавшей князю Плессу, впервые получил чистый цинк. Цинк, железо и каменный уголь образовывали отныне тот «золотой треножник», на который опиралась горная и металлургическая промышленность Верхней Силезии. Если железо и уголь в силу существования ожесточенной конкурентной борьбы со стороны британских промышленников поначалу давали небольшой доход — зимой 1828/29 г. цены на них сильно упали, — то цинк принес региону первые большие деньги.

Наполовину частная, наполовину государственная верхнесилезская цинковая промышленность быстро стала ведущей в мире отраслью. Наивысшего уровня — 250 тыс. центнеров* — производство достигло в 1825 г. Через 5 лет прусское государство отменило действовавший с 1769 г. «Горный устав», и теперь практически каждый желающий имел возможность открывать свой собственный металлургический завод. В результате намечалось значительное перепроизводство, поскольку одновременно английские фирмы стали поставлять на европейский рынок

большие количества цинка из своих колониальных владений в Ост-Индии.

Добыча угля и производство стали испытали настоящий подъем только с началом строительства железных дорог. Но как в одной, так и в другой отрасли силезские магнаты с самого начала не использовали те преимущества, которые давал технический прогресс.

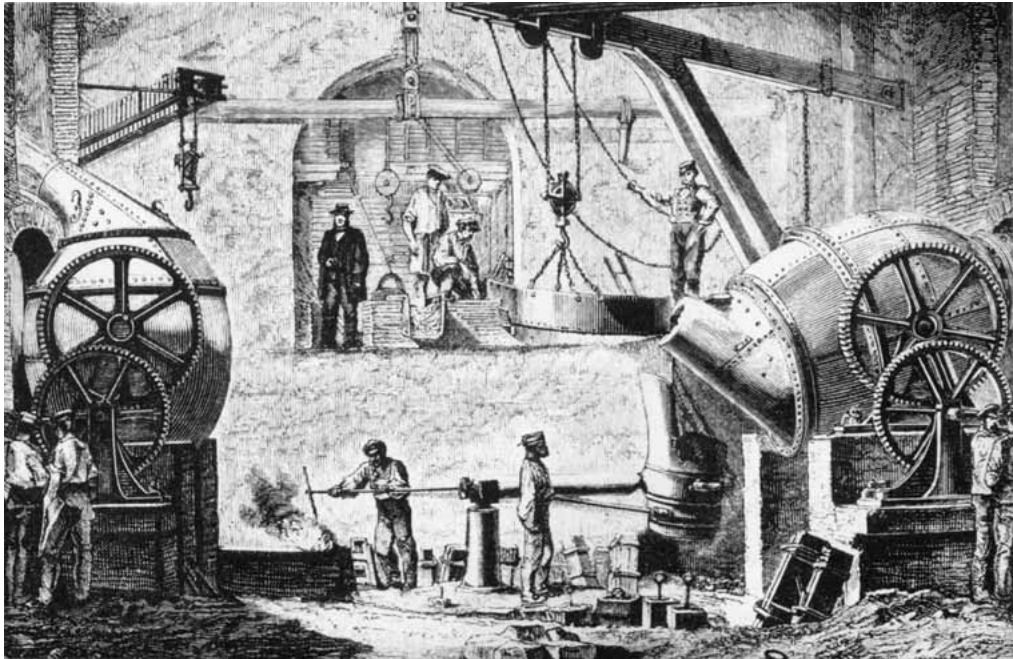
Вначале благодаря хорошей работе директоров государственных горно-металлургических предприятий они опережали своих конкурентов из Рура. Но вскоре они перестали придавать должное значение капиталовложениям в развитие новых технологий и постепенно стали все больше и больше отставать в своем развитии.

Неограниченная власть в одних руках

Еще в 1867 г. треть всех силезских доменных печей работала на древесном угле, в то время как в Руре уже давно повсеместно использовали кокс. К тому же переход от устаревшей технологии пудлингования при получении чугуна на технологически более совершенный бессемеровский способ занял в Силезии куда больше времени, чем в Руре. Вместе с тем знатные владельцы горно-металлургических предприятий Силезии долгое время осуществляли безраздельное господство на своих заводах, тогда как грюндеры рурской индустрии довольно скоро оказались вынужденными вносить свои капиталы в виде паевых взносов в крупные акционерные общества: сооружение новых шахт увеличивало потребности в капитале. Кроме того, силезцы с самого начала, во-первых, имели гораздо больше денег, чем вестфальские грюндеры, а во-вторых, они гораздо меньше вкладывали в собственные предприятия.

Только в годы грюндерского бума, а это приходится на период между 1870 и 1873 гг., было создано первое акционерное общество в Силезии, а именно «Ферайнигте Кенигсунд Лаурахютте». Силезские магнаты представляли собой довольно узкий круг людей, выходцев из старинных и по большей части очень богатых семей. Князя цу Плесс, например, с 1517 г. в качестве суверенных владельцев имели в собственности огромные зе-

* Немецкий центнер равен 50 кг.

Бессемеровский способ выплавки стали (гравюра на дереве, 1886 г.)

мельные наделы, которые в 1825 г. были превращены в самостоятельное княжество, перешедшее в 1847 г. из-за отсутствия живых наследников во владение графа Хохберга. Обширными земельными угодьями в округе Возель владели также князья Гогенлоэ-Ингельфинген-Эрингены. Их созданный в 1799 г. фидеикомисс* Славенциц в 1861 г. стал княжеством Уйест, а князь Хуго фон Гогенлоэ получил титул герцога. Именно он вместе со своими друзьями из родовитых семейств, князем фон Путбусом и графом Лендорф-Штайнортом, участвовал в финансировании строительства румынских железных дорог, предпринятого Бетелем Генри Штроусбергом, а также в учреждении всевозможных предприятий сомнительного характера в 1870...1873 гг., эпоху головокружительных афер.

Крупными фигурами в верхнесилезском горно-металлургическом деле были также графы фон Баллестремы, графы Шаффгочи, Тиле-Винклеры и имперские графы Хен-

кель фон Доннерсмарки. Во владении каждой из этих групп находилось более 10 тыс. га земель. Проникнуть в ряды знатных владельцев горно-металлургических предприятий удалось лишь немногим аутсайдерам. Одним из них был родившийся в 1781 г. сын крестьянина Карл Годулла, еще в молодости искалеченный в драке, а позднее сделавший карьеру на посту управляющего шахтами графа фон Баллестрема. Когда он приобрел несколько малоперспективных угольных шахт, ему посчастливилось обнаружить в них новые угленосные пласты. Затем в период большого застоя он стал заниматься «цинковым бизнесом» и вновь начал процветать.

Бобыль и сирота

«Для жителей Верхней Силезии имя Годуллы было как бы волшебным звуком», — пишет историк Понтер Грудман о единственном магнате — выходец из низших слоев общества. На протяжении всей своей жизни Годулла оставался одиночкой и даже тогда, ког-

* Фидеикомисс [лат. Fideicommiss-sum] — дворянское имение, переходящее по наследству целиком одному члену семьи.

да он приобрел благородные манеры и соответствующие своему положению отличия. В начале 40-х годов прошлого века из конкурсной массы обанкротившейся семьи Печ он купил видные дворянские поместья Шомберг и Орцегов. В Шомберге близ Бойтена архитектор Феллер возвел для него крупный замок. Впрочем, холостой, бездетный нелюдим никогда не жил там, ему достаточно было небольшой комнатки в маленьком домике рядом с замком. Это величественное строение и все свое огромное состояние он завещал своей приемной дочери Иоганне Гричик.

После смерти верхнесилезского «цинкового короля» — он скончался в 1848 г. от болезни почек — девочка, которой как раз исполнилось 6 лет, стала одной из самых блестящих невест в стране. Победителем среди претендентов на ее руку стал граф Ханс Ульрих Шаффгоч из старинной дворянской династии, обладавшей горно-металлургическими предприятиями. В 1859 г. пара эта сочеталась браком. Брак этот сочли одним из самых необычных среди силезской аристократии. Для того чтобы невеста соответствовала своему новому положению, король Фридрих Вильгельм IV пожаловал ей дворянский титул, и она стала Иоганной Гричик фон Шомберг-Годулла. Только таким путем могли сочетаться узами также старые и новые деньги.

Смешение «Диснейленда» и Виндзорского замка

Разумеется, теперь замок Шомберг уже не удовлетворял запросам, и новобрачные купили куда больший замок Коппитц, который по их заказу архитектор Хайденрайх из Бреслау превратил в настоящий сказочный дворец в неоготическом стиле. По завершении всех работ он стал представлять собой нечто среднее между «Диснейлендом» и Виндзорским замком.

Замкам как символам своего социального положения верхнесилезские магнаты отдавали неоспоримое предпочтение. Они не жалели никаких денег, когда речь шла о том, чтобы утереть нос сопернику, построив больший по размерам, необычный и исключительно дорогой дворец. Так, князь фон Гогенлоэ-Ингельфинген-Эринген после присвоения ему в 1867 г. титула герцога фон Уйест с помощью французских архитекторов пере-

строил свой родовой замок Славенциц в шикарный дворец с тремя флигелями-пристройками, который не давал покоя князю Хайнриху XI цу Плесс. Во время франко-германской войны 1870...1871 гг. он выписал в Силезию французских архитекторов Детае и Лайенбеккера с тем, чтобы они возвели ему под Комницем, в самом центре обширного парка с прудами, рощами и лугами, замок в стиле классического возрождения; на его крыше он с гордостью водрузил свой родовой флаг. После того как несколько других магнатов вновь перешеголяли его, он на рубеже веков повелел перестроить свой замок-крепость «Фюрстенштайн», расположенный рядом с угольными шахтами Вальденбурга, в весьма напыщенное строение — дворец в стиле ренессанс. Однако строительные работы не удалось завершить: началась первая мировая война. В 1943 г. Гитлер конфисковал замок и превратил его в резиденцию для особо почетных гостей рейха.

...и еще одна сказочная свадьба

Еще одним аутсайдером в узком кружке верхнесилезских магнатов был Франц фон Винклер, сын малозажиточного чиновника из округа Франкенштайн, который начал свою жизнь горняком, а умер богатейшим шахтовладельцем. Деньги для покупки угольных шахт и рудников он получил, женившись во второй раз на состоятельной вдове Марии Домес ауф Миховитц. Когда в 1851 г. в возрасте 48 лет Франц фон Винклер умер, его дочь Валеска попала в схожую с Иоганной Гричик ситуацию.

Через три года появился еще один сказочный принц, на этот раз в образе несколько анемичного лейтенанта Хуберта Густава Виктора фон Тиле, которому также суждено было стать пионером промышленности, не уступающим другим магнатам. В начале июня пара заказала Зауэру, старшему тайному советнику по вопросам строительства из Берлина, разработать проект величественной надгробной церкви в память о покойном Франце фон Винклере, а затем и план нового замка в готическом стиле английских Тюдоров. Никто в Германии так открыто не демонстрировал свое богатство, как промышленные магнаты Силезии. Даже богатейшие берлинские парвеню казались мелкими буржуа в сравнении с владельческими князьями

фон Ратибор или фон Тарновиц. И даже оба таких могущественных промышленника на западе Германии, как Альфред Крупп и барон Карл Фердинанд фон Штумм-Хальберг, которого кайзер язвительно именовал «королем Сааравии», не были так далеки от своих рабочих и заводов, как магнаты Верхней Силезии.

Крупп все-таки сам разрабатывал проекты своей 180-комнатной виллы «Хюгель» и, подобно своему достопочтенному коллеге Штумм-Хальбергу, проявлял в известной мере заботу о своих рабочих, хотя ни одного из них нельзя было заподозрить в наличии у них чувства социальной ответственности. Крупп, как и «король Штумм», были, как тогда говорили, предпринимателями по увлечению или по призванию и они делали все, чтобы поддерживать свои предприятия в самой лучшей форме. А это предполагало наличие достаточного числа накормленных рабочих.

Промышленные князья Верхней Силезии, напротив, видели в своих шахтерах и металлургах лишь источник дополнительных доходов, а в остальном им было совершенно безразлично, какую цену должны были платить рабочие за доставляемые им прибыли. В качестве «менеджеров» они держали на своих предприятиях в большинстве случаев «выписанных» из Англии инженеров, а для грубой работы всегда имелась в достатке как послушная, так и дешевая рабочая сила.

...как в средние века

На шахтах Верхней Силезии еще в середине прошлого века сохранялось такое же положение вещей, как и в средние века. Господствовал железный принцип приказа и повиновения, а того, кто смел ослушаться, немедленно выгоняли. Если же назревал протест против кнута «господ», то в дело вмешивались военные и тут же загоняли рудокопов обратно в штольни. Магнаты смотрели на богатство как на данное от Бога и не задумывались о его происхождении.

А почему, собственно, это должно было бы их беспокоить? Их уголь залегал на меньшей глубине, чем в Руре, содержал меньше серы и был самого высокого качества. Железная руда тоже добывалась с меньшими затратами, чем в любом другом месте, а важный фактор производства — труд — обходился

Карл Фердинанд фон Штумм-Хальберг

здесь также гораздо дешевле, чем в Руре. Дело в том, что поток иммигрантов из восточных районов постоянно возрастал и силезские города буквально лопались по всем швам от перенаселения.

Численность населения Катовиц за 25 лет выросла с 300 до 50 тыс. жителей, а в Бойтене за период с 1850 по 1880 г. она увеличилась в три раза. Поэтому магнаты не видели никаких причин для того, чтобы тратить свои деньги на рационализацию производства. Только в 1884 г. единственное горно-металлургическое предприятие Верхней Силезии, а именно акционерное общество «Ферайниге Кенигс-унд Лаурахютте», внедрило у себя уже давно ставший обычным в Руре томассовский процесс. И прошло еще 12 лет, прежде чем металлургический завод «Бисмарк-хютте» освоил современную мартеновскую технологию выплавки металла.

Хотя шахтовладельцы должны были знать, что в один прекрасный момент запасы железной руды иссякнут, они не проявляли никакой заботы о будущем. Они могли бы, к примеру, построить грузовые порты на побережье Балтийского моря для обеспечения импорта шведской руды. Но подобные мысли были им, за редким исключением, чужды. Владетельные князья не видели ничего предо-

судительного в том, чтобы возводить величественные замки в непосредственной близости от шахтерских поселков, где десятки тысяч людей владели жалкое существование, тогда как «господа» ели и пили на золоте.

Властный, избалованный и жадный до наслаждений

Ни остальбские юнкеры*, ни крупнейшие банкиры Берлина, ни даже члены императорского дома не тратили на обеспечение своего образа жизни столько, сколько силезские магнаты. И никогда больше в истории Германии столь небольшая кучка людей не сосредоточивала в своих руках таких богатств и такой политической власти. По положению они даже чувствовали себя ровней Гогенцоллернам. И если кто-нибудь из них попадал в затруднительное положение, как, скажем, герцог фон Уйест, то сам кайзер вынужден был приходить ему на помощь. Магнаты не были грюндерами в обычном смысле этого слова, хотя одно время они давали почти четверть всего германского угля и чугуна и владели одними из наиболее крупных и прибыльных предприятий в Германии.

Только один из них мог с полным правом претендовать на то, чтобы считаться промышленным «грюндером»: это его светлость граф Гвидо Хенкель, первый князь фон Доннерсмарк, суверенный владелец имения в Бойтене, владелец фидеикомисса в Тарновитц-Нойдеке, основатель и владелец фидеикомисса Циклен и Рептен, владелец поместья в Забрже и Макушау, округ Забрже, а также поместий в Хропачове и Швинтохловице, округ Бойтен.

Карьера этого графа, род которого восходит к старинным дворянским семьям Силезии, превзошла жизненные пути промышленных грюндеров по своей драматичности, своим краскам и успеху. Ни один из силезских владетельных князей так не восхищал современников, как этот привлекательный плейбой, которого отец к восемнадцатилетнему возрасту сделал одним из богатейших людей Европы. Старый Доннерсмарк, граф Хуго Карл Антон Лазарус III, раньше, чем его знатные «коллеги», начал расширять свои владения, открыв отделение «промышленность».

Одним из первых построив завод «Антонихютте», он обеспечил себе прочные позиции в цинковой промышленности, а, основав металлургический завод «Лаурахютте», приобрел определенное влияние и в этой отрасли. Кроме того, у него были участия во многих угольных шахтах. И как следствие, в 1848 г., почувствовав себя уже уставшим и как бы опустошенным, он в день рождения своего подающего большие надежды сына преподнес ему подарок в виде громадного состояния.

Однако сын, властный, избалованный и жадный до наслаждений человек, поначалу не испытывал ни малейшего желания заниматься такими прозаическими делами, как доменные печи, нормы затрат или поставки кокса. Он жаждал блеска большого света, красивых женщин, одухотворенных бесед, культуры и роскоши. Поэтому вскоре он покинул провонявшую дымом провинцию с ее фабричными трубами и облаками копоти и отправился туда, где собирались сливки сливок европейского общества — в Париж.

В метрополии французской империи молодой сеньор из Германии с большими пылающими глазами, густыми черными волосами и холеной бородой быстро приобрел всеобщую известность. Граф Гвидо занимал роскошный городской особняк, был украшением самых элегантных салонов и чувствовал себя одинаково хорошо на скачках и в опере. Его можно было встретить и в публичных домах высшего разряда, и в игорных салонах, и в воровских притонах, и в литературных кружках, и в мастерских художников. И где-то среди этих многочисленных занятий он в один прекрасный день познакомился с одной из самых ослепительных женщин Парижа, которую представили ему как маркизу Терезу Араухо де Паива.

Немецкий граф и французская метресса

В этой даме, как моментально острым взглядом знатока определил избалованный граф, чувствовалась порода и темперамент. О том, что у нее было довольно бурное прошлое, он узнал гораздо позже. Тереза, мнимая маркиза, на самом деле носила простую фамилию Лахман и была дочерью мелкого

* Юнкер [нем. Junker] — в Пруссии — дворянин-землевладелец.

еврейского торговца из Москвы. В Париже после многочисленных любовных походов с известными всему городу ловеласами она стала подружкой богатого банкира. В то время когда она встретилась с молодым графом Гвидо, она именовалась Терезой Вийоинг по фамилии своего последнего мужа, с которым эта дама уже развелась.

То, что молодые люди почувствовали друг к другу, можно, пожалуй, назвать любовью с первого взгляда. И как бы они ни различались между собой происхождением и образом жизни, им никогда больше не суждено было расстаться. Паива и немецкий граф в течение долгих месяцев давали обильную пищу для разговоров в высшем парижском свете. Гвидо осыпал свою возлюбленную подарками и не успокоился до тех пор, пока не одержал верх над всеми прочими поклонниками «маркизы».

Сам он с финансовой точки зрения находился в критическом положении, так как, оплачивая свои дорогостоящие любовные похождения и карточные долги, он, не задумываясь, выставлял векселя на астрономические суммы. В то же время денежные переводы из далекой Верхней Силезии становились все скромнее — оставшиеся без пристрастия предприятия постепенно приходили в упадок, — так что молодой господин, несмотря на свое громадное состояние, испытывал затруднения, связанные с осуществлением платежей.

Когда же он начал строить дворец на Елисейских полях для своей возлюбленной, который обошелся ему в сумму, равную трехгодичной заработной плате 1000 рабочих, его друзья стали проявлять серьезную озабоченность. Дворец Паивы приобрел в Париже практически такую же известность, как позднее Эйфелева башня. Говорят, что когда автор комедий Эмиль Ожье впервые увидел бесценную лестницу из оникса, ведущую в покои Паивы, он воскликнул: «Как добродетель, так и порок имеют свои ступени». Ванная комната, стены которой были сплошь отделаны драгоценными камнями, считалась красивой в Париже и, как утверждал писатель Готье, была «достойна султанши».

Распутница оказалась гением

Оказывается, она была достойна и графини Хенкель, так как Гвидо, этот прожигатель жизни, вопреки предостережениям друзей однажды повел свою возлюбленную под венец. Неравный, практически пользовавшийся дурной славой брак молодого человека, обремененного большими долгами, должен был, в этом мнении силезские магнаты были едины, означать крах некогда процветавшего дома Хенкелей фон Доннерсмарк. Конкуренты уже присматривали себе куски пожирнее из богатой добычи, которая неизбежно должна была попасть к ним в руки.

Редко кто так глубоко ошибаются. Едва его брачные узы были официально оформлены, как Гвидо из «графа-шалопая» превратился в ловкого бизнесмена. Впрочем, это произошло не полностью по доброй воле, так как за теми решениями и приказами, с которыми прибывали в Силезию срочные курьеры из далекого Парижа, стоял не кто иной, как Паива, та самая распутница, которая якобы должна была привести к банкротству наследника.

В 20-е годы журналист Феликс Пиннер, специализировавшийся на экономических вопросах, с удивлением отмечал: «Паива была прямо-таки гением в деловых вопросах. Чуткий инстинкт подсказал ей, что в наполювину промотавшемся немецком графе-гуляке дремлет талант умело вести дела, а его германские владения представляют собой прекрасный материал для того, чтобы начать вращать большими делами. Граф Гвидо оказался понятливым учеником и вскоре он, для кого из-за неравного брака были заказаны придворные и светские развлечения, почувствовал вкус к новым занятиям. Послушный ученик стал мастером своего дела, из объекта денежных операций, которым он был во время партизанской войны со своими кредиторами, он превратился в субъект финансовых операций. И чем активнее он ставил свой дар пронизательного комбинатора на службу деловому предпринимательству, тем в большей степени это становилось его внутренним призванием, самоцелью».

Граф Гвидо становится чистокровным предпринимателем

И в самом деле, под влиянием своей равно очаровательной, как и рассудительной, супруги этот экс-ловелас стал единственным настоящим предпринимателем среди силезских магнатов. Он первым понял, что прошли те времена, когда принцип «хозяин в собственном доме» становился превыше соображений экономической целесообразности, и он, не задумываясь, использовал заемный капитал, если это было необходимо для достижения намеченных целей.

На новые кредиты, взятые во Франции и Германии, Гвидо приобрел обширный фидеикомисс в Тарновитце – Нойдеке, который в какие-нибудь шесть лет был превращен в образцовый хозяйственный комплекс. В нем все компоненты, будь то сельское хозяйство, угольные шахты, рудники и металлургические предприятия, находились в оптимальном сочетании. Унаследованный от отца металлургический завод «Лаурахютте» он слил с государственным заводом «Кенигсхютте»; опираясь на поддержку банкира Герсона Бляйхредера, он создал на их основе акционерное общество и только на ажио, которые должны были выплачивать акционеры, нажил огромное состояние.

В 1871 г. его слава искусственного и дальновидного дельца и коммерсанта настолько упрочилась, что Бисмарк взял его, единственного немецкого промышленника, а также банкира Бляйхредера в Версаль на переговоры о французских репарационных платежах. Хенкелю фон Доннерсмарку, чьи предложения существенно повлияли на содержание договора о капитуляции между Пруссией и Францией, было тогда всего 41 год. Среди своих знатных коллег он давно приобрел высокий авторитет, поскольку его замок Нойдек, построенный в 1868...1875 гг. французским архитектором Лефюэлем, во многом превосходил другие поместья по своим размерам и интерьеру. Хенкель копировал свое имение с Версальского дворца, и действительно, Нойдек с его громадным парком и двухэтажным фасадом здания, выходящего в сад парадным двором с широким подъездом, французскими крышами, на которых виднелись многочисленные высокие трубы, с витыми решетками и балюстрадами, украшенными скульптурами, удивительно напо-

Замок Нойдек в Верхней Силезии

минал резиденцию французских королей, с той только разницей, что первый стоял в центре задымленного верхнесилезского промышленного района.

Хенкель покупает и покупает

Позднее в качестве своей второй резиденции граф построил в своем имении Рептен в округе Тарновитц небольшой охотничий замок в стиле северо-немецкого ренессанса, которого, впрочем, было бы достаточно, чтобы со всеми удобствами разместить почти 200 семей. Он снова мог позволить себе такую роскошь, так как его дела шли блестяще. К примеру, чтобы иметь возможность рационально вести производство цинка и одновременно завоевывать прочные позиции на рынке, он основал «Шлезисше акциентгельшафт фюр бергбау унд цинкхюттенбетрибе» с местонахождением в Лепине. Это общество вскоре стало крупнейшим предприятием данной отрасли. Капитал для стремительного расширения металлургических предприятий он частично получал через парижский банкирский дом Нефлис. В результате к 1880 г. Верхняя Силезия уже производила столько же цинка, сколько и весь остальной мир.

В те годы граф неустанно расширял и свою земельную собственность. По образцу рурских предприятий он модернизировал свои угольные шахты и рудники. Он был единственным среди верхнесилезских магнатов, кто сделал надлежащие выводы в связи с возникшей угрозой сокращения запасов железной руды. В устье Одера в местечке Крацвик

под Штеттином он построил металлургический завод «Крафт», выплавлявший чугун на английском угле и из шведской руды. Через непродолжительное время он полностью обеспечивал им все литейное производство северо-восточных провинций Пруссии.

Лишь после того, как другие владельцы шахт увидели, как рентабельно работает прибрежное предприятие Хенкеля, они пошли по его стопам и начали возводить в Любеке, Бремене и Эмдене аналогичные заводы, которые, впрочем, как утверждал Феликс Пиннер, «в предвоенные годы по оснащенности и рентабельности намного отставали от металлургического завода «Крафт», которым великолепно руководил Бернард Грау».

Едва конкуренты стали наступать Хенкелю на пятки, он сделал еще один шаг вперед, построив недалеко от Крацвика химический завод. «Унион-фабрика», выпускавшая химическую продукцию на базе импортного сырья, стала одним из крупнейших производителей фосфатов, а тем самым и поставщиком удобрений сельскому хозяйству Германии. Когда конкуренты стали особенно досажать промышленникам из Верхней Силезии, Хенкель установил свой форпост прямо в их лагере, приобретя без долгих раздумий «Нидеррайнише Хюгте», крупный горно-металлургический концерн.

В своих деловых операциях неутомимый граф вышел далеко за пределы изначально присущих его профилю отраслей – горнодобывающей и металлургической. Он финансировал исключительно дорогие эксперименты по производству искусственного шелка и проник с помощью своих неистощимых финансовых ресурсов на берлинский рынок недвижимости. Когда после краха грюндерства резко упали цены, Хенкель скупил целые кварталы домов, расположенные в наиболее удобных районах. Кроме того, через общества по торговле недвижимостью, которое граф также приобрел, он дополнительно подключил к своей собственности целые колонии вилл в Целендорф-Вест и Фронау.

Самый богатый человек в империи

Несмотря на многогранность своих деловых интересов, он в отличие от членов потерпевшего крах «княжеского треста» (князь Путбус, герцог фон Уйест и т.д.) никогда не

терял способности быстро ориентироваться в обстановке. «Участвуя во множестве начинаний, он всегда оставался в такой степени мобильным, что его можно отнести к числу самых могущественных фигур на денежном рынке Германии», – с похвалой отзывался о нем Феликс Пиннер. Очень скоро некоторые из самых дальновидных предприятий Германии стали включать его в состав своих наблюдательных советов. Так поступили, например, «Дрезднер банк» и «АЭГ». В 1905 г. «в знак признания его заслуг перед промышленностью» кайзер пожаловал ему княжеский титул. Паива не дожидаясь этого момента. В 1884 г. она – уже всеми признанная и уважаемая – была похоронена. Этот брак, к глубокому сожалению Гвидо, не принес ему детей, и вскоре он женился вторично. Его вторую жену звали Катарина фон Слещон. Она родила ему двух сыновей – Гвидотто и Крафта.

Когда князь Гвидо Хенкель фон Доннерсмарк скончался в весьма преклонном возрасте 86 лет, он считался наряду с Альфредом Круппом самым богатым человеком в Германской империи. В «Jahrbuch des Vermögens und Einkommens der Millionäre in Preußen» за 1912 г. значилось: «...со всех его земельных владений в Пруссии, составлявших 23 295 га и оценивавшихся в 15 млн. марок, выплачивается в год 126 тыс. марок поземельного налога. Кроме того, князю принадлежат имения Табковце и Добирзовице (общая площадь 1125 га) в русской Польше и Липовиц (общая площадь 3076 га) в Галиции.

Таким образом, общая площадь земельных владений князя в Пруссии, России и Австрии составляет 27 496 га. Прусские земли князя не составляют и десятой доли его состояния, облагаемого налогом в Пруссии.

Оставшиеся девять десятых состояния князя включают в основном горно-металлургические предприятия, промышленные акции, и, прежде всего акции в металлургии и цинковой промышленности, доли в капитале земельных предприятий, которые князь регулярно вел в форме обществ с ограниченной ответственностью, банковские акции, а также негласные участия в универсальных магазинах и других предприятиях и, наконец, от 12 до 15 млн. марок наличны-

ми в форме процентных денежных вкладов в крупнейших банках.

С некоторых пор князь уже не управляет сам своими металлургическими предприятиями. В 1906 г. он даже продал принадлежавший ему завод «Битлеп-Фальва-хютте» в Верхней Силезии соседнему металлургическому предприятию «Бисмаркхютте» за 2,8 млн. марок. Металлургический завод «Крафт» в устье Одера тоже больше не принадлежит ему одному. Значительная часть акций этого предприятия распродана широкой общественности. Все еще за счет князя ведутся горные разработки. На шахтах «Дойчландсгрубе», «Шлезиенгрубе» и «Доннерсмаркгрубе» занято 4500 человек.

Добыча угля в 12 штреках составляет в среднем 5700 т в день, или 1,71 млн. т в год, что позволяет за год получать 5,1 млн. марок чистой прибыли. Общая стоимость 3 шахт равна, как минимум, 50 млн. марок».

Сыновья проматывают наследство

Стоимость всего состояния князя достигала, по-видимому, 300 млн. золотых марок. И если сейчас от второго по величине после Круппа промышленного концерна (Западной) Германии практически ничего не осталось, то есть в этом немалая вина самого князя. Просто он не сумел подготовить преемников, которые были бы в состоянии после его смерти руководить созданным им промышленным комплексом с его тесными внутренними связями. В качестве его «генеральных управляющих» всегда высыпали те или иные исполнительные органы, которые он часто сменял по своему усмотрению.

Оба сына унаследовали от отца склонность к беспечной жизни, но никак не способность делать деньги. По словам Феликса Пиннера, оба были «только Гвидотто, но не Гвидо». Постепенно они распродали все заводы, компании и участия некогда процветавшего концерна, за исключением верхнесилезских горно-металлургических предприятий.

ГЛАВА 4

ВЕРХИ И НИЗЫ

Годы грюндерства были периодом разительных перемен в политике, экономике, технике, культуре, обществе. Но удивительнее всего было то, что все эти перемены свершались практически в одно и то же время, не вызывая никакой неразберихи или хаоса. Общество молодой Германской империи оказалось исключительно стабильным, даже, несмотря на наличие напряжения в социальных отношениях, которые ему предстояло еще выдержать. Одной из причин такого положения было то, что новые машины, новые фирмы, новые здания не обязательно приводили к формированию нового сознания в головах обывателей. Напротив, чем выше были темпы «прогресса», тем более враждебной прогрессу, более реакционной становилась общественная жизнь. Складывалось впечатление, что собственная смелость все более и более навевала страх на грюндеров: они крепче и крепче цеплялись за стародавнее, дедовское.

В то время как в мастерских изобретателей, в правлениях крупных компаний почти ежедневно свершалась революция, бюргеры кайзеровской Германии не осмеливались делать даже самых незначительных отступлений от принятого в их частной жизни этикета. К. Маркса беспокоило то обстоятельство, что в умах промышленных рабочих, подвергавшихся беспощадной эксплуатации, с трудом зарождалось пролетарское сознание. Угнетенные предпочитали разводиться почтовых голубей, а не готовить заряды взрывчатого вещества. Каждый житель империи, будь то поденщик без крыши над головой или скажочно богатый промышленный магнат, имел свое исконное место и каждый страстно желал как-нибудь проникнуть в следующую, более высокую социальную прослойку.

Королевский двор – цель всех страстных желаний

Приспособление, а не бунт и не мятеж уже в то время было девизом всех немцев. Рабочий трудился, не разгибая спины, и откладывал деньги, чтобы получить хотя бы небольшую возможность жить, как мелкий буржуа; продавец копировал образ жизни владельца предприятия; ремесленник подлаживался под уклад жизни директора банка, а школьный советник изо всех сил старался быть похожим в повседневной жизни на частнопрактикующего врача или директора фабрики. Но на вершине социальной пирамиды находилась аристократия, причем намного очевиднее, чем когда-либо прежде. В бисмарковской же империи продолжала править династия Гогенцоллернов, а не занявшая высокое положение и разбогатевшая буржуазия. И словно бы никогда не было ни французской революции, ни народного восстания 1848 г. Королевский двор был конечной целью желаний всех представителей буржуазного сословия и одновременно орудием власти исключительно большого калибра.

И хотя каток промышленной революции прошелся по высшим слоям старого общества – за исключением верхнесилезских магнатов, таких, как Хенкель фон Доннерсмарк, Плесс и Баллестрем среди фигур предпринимателей периода грюндерства в Германии не было ни одного представителя высшей родовой знати, – они могли без особого труда держать от себя на дистанции тех толстосумов, которые были выходцами из буржуазии. И как бы хорошо не знали свое дело все эти Круппы, Тиссены, Ханиэли и Ханземаны, им не хватало одного: присущего крупной буржуазии стиля жизни, который был бы в корне отличен от уклада жизни аристократии. Свеженькие нувориши, которые в тот период сумели заполучить в свои руки огромные богатства, в принципе просто копи-

ровали манеры поведения, принятые в придворном обществе. Что касается денег, знаний и трудолюбия, то в этом уверенные в себе грюндеры намного превосходили своих знатных по происхождению современников. Но изысканность и утонченность придворного церемониала неожиданно низводила их до уровня самого обыкновенного буржуа с его неуклюжими манерами.

Аристократия использовала шанс, который ей предоставила успешно проводившаяся в жизнь бисмарковская политика, и с большим упорством защищала бастионы в руководстве обществом и в армии, все еще остававшиеся в ее руках, от посягательств непрошенных «гостей» из третьего сословия. Еще в 1895 г. 99,2% всех офицерских должностей аристократических гвардейских полков Пруссии занимали представители знатной аристократии. Столь же бесспорно знать, в жилах которой текла голубая кровь, находилась на высших постах в дипломатии и в системе государственного управления. Наибольшим престижем в Германской империи пользовались офицеры, а не промышленные магнаты и банкиры, как это, скажем, имело место в той самой Америке, которая отличалась исключительной фамильярностью поведения и небрежностью стиля. В социальном плане любой лейтенант, не столь уж и высокая фигура в армии, стоял на ступень выше, чем делец или коммерсант, дела которого шли весьма и весьма удачно, а блистательный университетский профессор был просто ничто в сравнении с не отличавшимся большим умом майором.

Впечатления молодой аристократки

То, что в те времена происходило при берлинском дворе, описала в своих воспоминаниях «Мир, в котором я жила» дочь дипломата Мария фон Бунзен, по рождению принадлежавшая к одной из древнейших дворянских династий. «Следующая зима была наполнена у нас придворными балами и торжественными приемами. Для родителей это оказалось весьма уютным делом. Я благодарна им за принесенную ими жертву. Такое торжество при берлинском дворе обладает присущим ему блеском, своими историческими традициями и было навеяно, честное слово, какой-то невероятной, фантастической красотой.

Уже на Унтер-ден-Линден продвижение верениц экипажей резко замедляется. При полной остановке можно было слышать доносившиеся из густой толпы, обрамлявшей улицу, доброжелательные или, напротив, дерзкие высказывания. Повсюду виднелись конные полицейские. Дипломаты, вельможи и сановники обладали правом проезда в первую очередь. Их экипажи покидали ряды и продвигались вперед. Подобная протекция раздражала нас, остальных, ехавших в колясках, кучера которых имели прикрепленную к своему головному убору самую обычную карточку, разрешавшую проезд. Но вот, наконец, гости через огромные ворота попадали во двор. Скупое освещение позволяло с большим трудом различать темно-серый цвет старых стен, снежные сугробы, стоящую в ряд охрану. Кое-как добирались до нужного места. Но вот карета остановилась перед ярко освещенным парадным входом. Дверца экипажа распахнулась, и слуга помог снять нам верхнюю одежду. Помещение гардероба было открыто лишь при новой власти.

Мы медленно поднимались по лестнице, слегка обогреваясь у каминов, в которых мерцало пламя. Вот мы уже в самом начале необозримой анфилады великолепных залов. За прошедшие столетия не очень-то сильно они изменились: стены, обтянутые штофной тканью и увешанные фамильными портретами предков, массивные с позолотой резные кресла эпохи первых королей. По обе стороны каждой двери стоят на карауле лейб-гвардейцы, крестьянские парни как на подбор. Будто литые на рослых фигурах гвардейцев белые и красные униформы».

Свет тысяч и тысяч свечей

«Шурша платьями, мимо них скользили дамы, на полуобнаженной груди каждой из них сверкали бриллианты. Степенно проходила мужская часть знати, мундиры которой украшали бесчисленные ордена. Сами же гвардейцы словно монументы стояли, не шелохнувшись и обнажив сабли. На их головах красовались серебряные шлемы. По-юношески стройными были пажи в своих отороченных красной вышивкой костюмах. Были приглашены самые красивые учащиеся кадетского корпуса в Лихтерфельде, выходы из знатных фамилий. Повсюду виднелись об-

шитые золотыми галунами военная форма и мундиры офицеров, высших чиновников, придворных аристократов.

Нынешнее поколение не может себе представить, насколько превосходно, красиво было освещение, создававшееся тысячами и тысячами свечей. И в этом мерцающем сиянии искрились всеми цветами многочисленные бриллианты, отличались исключительным богатством красок платья из шелковых и бархатных тканей. Правда, общие очертания дам не были совершенно прекрасными. Словно громадный буф*, они носили на руках шлейф платья, состоявший из двух-трех отрезков ткани и достигавший десяти футов в длину. С прусской пунктуальностью и корректностью распределяли гостей по залам в зависимости от категории: жены аристократов, прочие замужние женщины, уже представленные обществу молодые девушки и те из них, которых еще предстоит вывести в общество. Нас, последних, было двадцать или тридцать персон, поскольку в прошлом году таких торжеств не было. Это уже считалось чересчур много. А поколение спустя здесь каждый год появлялось уже почти 100 таких персон.

Что касается нас, которые еще не были введены в свет, то нам на празднике было исключительно приятно и уютно. Мы уже знали друг друга или тут же познакомились. У всех было чуть-чуть лихорадочное настроение, вызванное первым участием в подобных торжествах. И где-то в уголке, за той или иной колонной, каждая из нас пыталась еще раз исподтишка присесть в глубоком реверансе. Мучили друг друга вопросом, а не слишком ли глубоко декольте?»

Переулоч злых языков

«Приставленный к нам камергер граф Ойнхаузен оказался приветливым и любезным человеком. Когда мы начинали прогуливаться, первыми шли принцесса Ратибор и ее кузина. И хотя фроляйн Майбах, две дочки министра железных дорог, имели преимущественное право, они тактично держались в тени. Но вот мы оказались перед тем, что внушало страх — небольшой картинной галереей, «алеей злых языков», в которой плотной группой уже на протяжении нескольких часов стояли все приглашенные

офицеры. Свободным оставался небольшой проход, по нему нам предстояло идти. И нередко лейтенанты вполголоса отпускали разного рода шутки по адресу девушек, на лицах которых явно была заметна тревога, боязнь чего-то или которые выделялись из массы чем-то иным, необычным. Это говорит о невоспитанности, но вполне свойственно человеку. Всех без исключения, в том числе и даже самых солидных, самых положительных людей, которые должны неподвижно, словно прибитые к полу гвоздями, стоять на месте, несомненно, развлекут эти пренебрежительные высмеивания проходящих. Один из моих знакомых посоветовал Берте и мне по возможности иметь простодушный и успокоенный вид. Так и было в действительности! Наши танцоры радушно приветствовали нас. И проходя по бесконечно длинному проходу, как бы образованному выстроившимися шпалерами офицерами, мы могли лишь слышать, как произносятся наши фамилии.

В одном из следующих залов стояли в ожидании генералы, среди которых находился и Мольтке. Их мундиры были увешаны многочисленными орденами. Я проходила в непосредственной близости от него и поэтому могла видеть его радостное волнение. Детям строго внушается: «Неприлично пристально смотреть на людей», т.е. делать то, что, как мне казалось, сделала я. Он глубоко поклонился мне. Счастливая, я опустила в реверансе, что полагается делать только по отношению к коронованным особам».

Тихая музыка, блеск золота

«И вот теперь в небольшом «зале королев» все женщины спустили на пол праздничные шлейфы. Умело расправить их входило в обязанности камергера графа Канитца. Все торжественно пошло дальше. В тронном зале тихо звучала музыка, сияли огни, блестело золото и сказочно сверкали бриллианты. Под балдахином, висящим над тронном, стоял величественно видный и благоклонно настроенный человек, император. Рядом с ним полусидя, полулежа находилась одряхлевшая императрица Аугуста.

По обе стороны расположились в ряд все принцы и принцессы, улыбками приветствовавшие всех своих знакомых, проходивших

* Буфы — [фр. *Voile*г пыжиться, надуваться] — пышные складки на рукавах, юбках.

мимо. На это отвечали лишь почтительным, преисполненным уважения выражением лица, совершать поклоны допускалось только перед императорской четой. Удивительный, невероятный свет излучали бриллианты имперской короны. Они буквально были окружены ореолом. Но вот шлейф моей предшественницы стал удаляться. Произносится моя фамилия. Я медленно делаю глубокий реверанс!

Наступило время концерта в Белом зале. И опять люди сидят, разделенные на категории. Мы, новички, расположились под галереей для оркестра. Без сомнения, программа выступлений была превосходной. Но внимание присутствовавших оказалось рассеянным, ведь нужно было наблюдать за многим. И даже позже, когда толпа людей разошлась. Однако я до сих пор помню известную красавицу графиню Герц и ее смутный, бесподобный классический профиль. Она была в белом, и украшали ее бесчисленные жемчужины и бриллианты.

Стройная, гибкая, необычайной наружности русская женщина, супруга нидерландского посланника была одета в упруго обтягивающее фигуру платье из золотой парчи, из золотой парчи был и обвивавший ее шлейф. И так она стояла, олицетворение змеи, окруженная офицерами, облокотившись на золотисто-мраморные перила лестницы. Великолепен, красочен фон всех этих фигур, украшения в стиле барокко, отличавшиеся густыми, сочными тонами. Предки большинства гостей принимали здесь участие в торжествах, устраивавшихся шестью прусскими королями, в торжествах, на которых можно было многое послушать; впечатление производило исторические личности, несколько представителей Мальтийского ордена. Казалось, что все они сошли с полотен старых картин».

Изящные представительницы высшего света

«Светская роскошь,— продолжает в своих описаниях Мария фон Бунзен,— в большинстве случаев эстетична. Разумеется, она производит самое сильное впечатление и постоянно сочетается с традициями знати, аристократии.

Впрочем, и придворные балы отличались особой прелестью. Многие сотни гостей находились в состоянии ожидания в Белом зале. Но вот раздавался удар обер-гофмейстерского жезла. Появлялась «большая свита» лиц, обладавших правом преимущественного выхода: придворные сановники, камергеры, наконец, представители знати, носители всевозможных княжеских титулов. Здороваясь, они медленно продвигались мимо множества гостей, которые отвечали им глубоким поклоном. Исключительно красочную картину в старинных парадных залах представляли группы присутствующих во время званого ужина. Я сидела в одной из глубоких ниш, в конце которых находилось окно. Стены были увешаны старинными картинами. Однако венцом праздника для всех танцующих был знаменитый вальс. Когда, годы спустя, мы вновь встречались и вели беседы о прошедших торжествах, с уст всегда срывалось: «Ах, этот вальс!» Ведь сейчас все эти нарушители порядка, напрасно занимавшие места, не умевшие танцевать, были заняты своим ужином, громадный зал пустовал, когда мы парами появились там. Элегантный распорядитель танцев Райшах, офицер гвардейского корпуса, дал знак на галерею, на которой располагались музыканты. Зазвучала музыка вальса. С восторгом мы как бы поплыли по зеркальному паркету в нечто необъятное, бесконечное. Ничего нет прекраснее под этим небом!

Все крупные празднества завершались карнавальным балом. К сожалению, все кончилось ровно в полночь. Предложение знаменитого пунша, который изготовлялся из старых сортов рейнского вина и к которому еще полагались специально приготовленные блинчики, никак не компенсировало всей краткости прекрасных мгновений, пережитых здесь молодежью. Мы и наши танцы, казалось нам, явились предлогом проведения этого праздника, стали главным его событием.

Но первые роли в тогдашнем дворе играли не молодые девушки, а женщины в возрасте от 30 до 50 лет. И как раз наиболее примечательные из них пользовались ослепительной репутацией, что было хорошо известно и самой императрице Аугусте. Она говорила: «Элегантные и искусные светские дамы принадлежат королевскому двору, они

нравятся императору. Мне нет никакого дела до их образа жизни, если только это не нарушает общественного спокойствия». Этой видимости недоставало последующему двору. Молодые девушки выдвинулись на передний план, женщины были, так сказать, безупречны. Правда, нередко создавалось впечатление, что их доброта и честность наиграны. Двор Вильгельма II отличался большей роскошью, более взыскательной и театрализованной, как в случае с использованием исторических костюмов лейб-гвардейцами, изысканностью, но он был не столь изящен, а большой свет еще менее изящен».

Канцлер и социалист

Мария фон Бунзен, образованная, привлекательная и независимая в финансовом отношении женщина, воплощала в себе тип дамы высшего общества вильгельмовской Германии. Она наслаждалась жизнью в изысканном обществе, побывала в Америке и странах Ближнего Востока, поддерживала отношения с известными деятелями искусства и обращала внимание во всем, что делала, на стиль и уровень. Для женщин ее типа эмансипация уже не была проблемой, они были эмансипированы. Будучи с самого детства либеральной, она в своих политических воззрениях оставалась дитем своего времени. Типичными для взглядов высших слоев общества той поры были ее воспоминания о встречах с двумя политическими противниками Отто фон Бисмарком и Августом Бебелем: «Итак, я была свидетельницей исторической речи Бисмарка по восточному вопросу, которую он произнес 5 декабря 1876 г. Позднее мне посчастливилось услышать еще несколько его выступлений по истории Германии. Все это я еще очень хорошо вижу перед собой. Дом, битком набитый людьми, охватившее всех волнение, лакеи приводили в порядок папки и длинные карандаши. Но вот, отодвинув портьеры, вошел Бисмарк. Его широкая, мощная фигура производила впечатление, что Бисмарк крупнее, чем есть на самом деле. Он сел. Известный всем нам Симеон произнес: «Рейхсканцлер князь Бисмарк имеет слово». Все стали дышать тихо и прерывисто. И вот в мертвой тишине встала мощная фигура.

Он говорил, слегка запинаясь, его пальцы нервно расстегивали и застегивали серебря-

ные пуговицы на мундире либо забавлялись длинным и толстым карандашом. Как мне помнится, его голос был не очень сильным, но звучным, превосходным было его произношение, умение говорить: грамотно, свободно от диалектизмов, совершенно непринужденно. Он говорил так, как положено это делать знатному человеку, занимающему ответственный пост. И если речь текла недосаточно плавно, она все же была очень ясной, каждое предложение отличалось высоким мастерством построения. «Он и либералы,— занесла я в дневник,— резко настроились друг против друга. Он делал заметки, если высказывались с намеком на что-то, оставался исполненным достоинства и как бы свысока боролся со своими противниками».

Присутствовала я и на большой дискуссии социалистов, проходившей 16 и 17 сентября 1878 г. Мы сидели прямо за президентом. В первый день ожидали прибытия «князя этого мира», как нередко называли в то время Бисмарка. Поскольку он не пришел, с большой речью вместо него выступил Бебель. Я писала в дневнике: «Он строен, бледен, у него небольшие и глубоко сидящие глаза. Его речь была замечательной, но в высшей степени коварной и радикальной. Более отвратительного, чем его лицо, я еще никогда не видела. Его глаза коварно сверкали, он улыбался насмешливо и злорадно или даже со сдерживаемой досадой и яростью».

Приближение к верхам, дистанция к низам

Такие банкиры, как Карл Фюрстенберг или Адольф Ханзман, промышленники типа Эмиля Ратенау, создателя концерна «АЭГ», и Эмануэля Фридендера, крупнейшего торговца углем в Берлине, во многих отношениях чувствовали себя равными высшим слоям дворянской аристократии Марии фон Бунзен даже при условии, что они никак не могли представить своей родословной. Крупные буржуа периода грюндерства гордились своим трудолюбием, ибо они знали, что они воплощали в себе новый дух индустриальной эпохи и что будущее принадлежало им. Они ездили много, а с тех пор как появились железные дороги и были установлены регулярные пароходные линии, даже на далекие континенты, за кулисами оказывали влияние на политику, обживали круп-

ные дома в городах и позволяли себе роскошь совсем в стиле аристократов, перед которыми преклонялись, заводив роскошные поместья.

На своих предприятиях они были в лучшем случае патриархами, а часто и деспотами. Выход в высший свет, ставший возможным благодаря промышленной революции, наполнил их исключительной самоуверенностью. Вместе с крупными землевладельцами, в большинстве своем аристократами и столь же аристократическим офицерством, буржуазные промышленники и банкиры создали группировку, сила которой, по их мнению, была достаточной, чтобы держать в узде низшие классы. Приближаться к верхам и держать низы на дистанции — так предпочитали вести себя во всех слоях буржуазного общества.

«Чернь» важничает

Общественное положение крупной буржуазии достигло заоблачных высот. На нижних уровнях иерархической пирамиды за свой престиж и свое влияние борются университетские профессора и мелкие фабриканты, министерялы* и богатые ремесленники. На одной стороне находились бюргеры, занятые в системе образования и, как правило, имевшие высшее образование, начиная с университетских профессоров и кончая актерами; они обладали авторитетом, но не имели практически никакого состояния. На другой располагались бюргеры-владельцы, прежде всего фабриканты и ремесленники, располагавшие деньгами и не имевшие достаточного образования. И все жаждали того, чего у них не было: исключительно броско показать себя.

Так, чиновник, получавший скромную зарплату, содержал великолепный «особняк», ограничивая свою семью во всем и хватаясь перед гостями. Иначе обстояло дело с мелким фабрикантом. Он не довольствовался тем, что мог иметь виллу и прислугу. Он хотел бы еще и председательствовать в Немецко-египетской компании или местном театральном обществе.

В представлении коренных буржуа предприниматели, выдвинувшиеся на передний

план в годы грюндерства, были несолидными и лишенными какой-либо морали. Писатель Фридрих Сасс, живший в те годы в Берлине, так описывает новый класс денежной буржуазии в своей книге «Берлин в новейший период своего развития»: «Весьма своеобразное положение в обществе нового Берлина заняли банкиры, капиталисты, фабриканты и т.д. Располагая непрерывно растущим финансовым могуществом, они все энергичнее бросали социальный вызов потомственной аристократии. Их ряды пополнялись за счет самых различных представителей мелкой буржуазии, которые незамедлительно и весьма охотно объединялись в особую касту. Эта последняя в определенных кругах обычно именовалась «отстойник черни».

Необузданное стремление выдавать себя за «высший свет», блеснуть своим «утонченным воспитанием» подобно тому, как сверкает бриллиантовое кольцо в свете огней, контраст между низменной страстью к наживе и элегантной расточительностью, маска покровительства науке и искусству, скрывающая под собой величайшую дикость суждений и оценок, слепое раболепие перед идолами моды и полное равнодушие по отношению к скромному труду и небольшому заработку, мешанина высокомерия и неуверенности, смирения и гордыни — все это представляет собой здесь исключительные черты характера...»

«Их жены нередко работают прислужой»

Соблюдение этикета и условностей, тщеславное представление реального или мнимого богатства были, несомненно, крайне необходимы для «выдвиженцев»-грюндеров, постоянно ощущавших внутреннее беспокойство. Сасс отмечал далее: «Порядочная семья не могла себе позволить организовать свадебное торжество в собственном доме. Это было бы «жалкое» зрелище. Для этого имеют обыкновение снимать зимой «Английский домик», а летом — «Тиволи», «Одеон» или какое-нибудь другое общественное заведение в Тиргартене.

Блюда готовятся поваром, конверт с приглашением на свадьбу не может быть дешев-

* Министерялы [ср.-лат. ministeriales] — в средние века — слуги (в большинстве не свободные) короля крупных феодалов; позднее м. влились в состав рыцарства.

ле одного талера. Любой свадебный обед должен состоять не менее чем из восьми-десяти блюд. Ни в коем случае нельзя при этом забывать о песочном торте и избытии шампанского. И все это требуется «приличиями». И как раз эти люди, считавшие своим долгом пышно обставлять свадьбы и похороны, как правило, привыкли вести скудную, а порой просто скардную жизнь в семье...

Их жены нередко работают прислугой, а дочери с трудом получают воспитание, которое делало бы честь служанке. Сыновья же готовятся к работе ремесленниками или к занятию бизнесом или часто изменяют семейным традициям и, не успев прийти в себя, превращаются в «благородных» берлинцев».

«Семейство Трайбелов дает сегодня обед»

В своем романе «Дженни Трайбел», вышедшем в свет в 1892 г., Теодор Фонтане так описывает трудности жены фабриканта, заботящейся о соблюдении этикета и условностей: «Обед был назначен на шесть часов, но уже за час до этого экипаж Хустера, заваленный круглыми и прямоугольными корзинами, видели уже стоящим перед входом, огражденным решеткой. Жена коммерции советника при полном туалете из окна своего будуара наблюдала за всеми этими приготовлениями. И сегодня вновь не без основания была недовольна происходящим. «Нужно же было Трайбелу не позаботиться о запасном входе! Если бы он тогда купил всего несколько пядей земли соседнего участка, у нас сейчас был бы отдельный вход для этих людей. Теперь же каждый поваренок идет прямо через палисадник к дому, как если бы он был в числе приглашенных. Это выглядит смешотворно и вместе с тем вызывающе, как будто вся Копеникер штрассе должна знать, что Трайбелы дают сегодня обед. Кроме того, неумно напрасно давать новую пищу для зависти людей и для эмоций социал-демократического толка».

«Как прикажете, милостивый сударь...»

Важнейшим показателем социального положения хозяйства буржуа был институт посыльных, недостатка в которых в период грюндерства в Берлине не ощущалось. Для

многих девушек и парней, приехавших в город из сельской местности, служба посыльных нередко оказывалась единственной возможностью заработать деньги. В «господских домах» до них очень скоро доходило, что они были людьми второго сорта и определенно не имели никаких прав. В очень популярной тогда «Книге хорошего тона для посыльных», опубликованной в 1888 г., говорилось, к примеру: «Посыльным надлежит всегда проявлять почтительность к своим хозяевам, быть вежливыми со всеми и стремиться к спокойной и порядочной манере поведения. К хозяевам и официальным лицам следует обращаться в соответствии с существующими в стране традициями, но, как правило, в третьем лице и всегда с добавлением титула: «Имеется ли у милостивой дамы...», «Как прикажете, милостивый сударь...» Или же в соответствии с титулом.

Если выдается поручение, то ответьте: «Слушаюсь!» (не «Есть!» или «Да»). Ну а если вас позовут или вы что-то не поняли, то скажите: «Как прикажете?» (а не «Что изволите?» или даже «Что?»). При желании попросить, вам надлежит говорить: «Я прошу...» (но отнюдь не: «Будьте так любезны...»). Если вам хочется что-то предложить, а это происходит, как правило, при подаче супов на стол, поскольку все остальное предлагается молча, то обращение должно звучать: «Что еще прикажете, милостивая сударыня?» (но не: «Желаете Вы?»). При уведомлении об обеде говорят: «Обеду накрыто!» или «Обед подан!» Когда уведомляют об экипаже или лошадях, произносят: «Экипаж подан!» или «Лошади выставлены!» При этом обращению всегда предшествует титул. Начало обеда объявляется хозяйкой дома. Уведомляя о чем-либо не следует оставаться у дверей, нужно подойти к соответствующей персоне (не слишком близко) и четко произнести известие...»

Культ «гостиной»

Для среднего сословия «гостиная» была тем же, чем обслуживающий персонал для богачей. Причисливший себя к «обществу» оборудовал видное помещение, с помощью которого стремился подчеркнуть свое положение. Так, в своих «Юношеских воспоминаниях» будущий профессор Феликс Эберти из Бреслау писал: «Всякий, кто мог себе это

позволить, имел в своей квартире гостиную, в которой выставлялась лучшая в доме мебель и утварь. Их обычно заботливо укрывали от копоти и пыли. Лишь по случаю праздника эти сокровища показывали удивленным гостям. К непременным украшениям гостиной относился сервант, предмет мебели нестандартной формы или горка, в которой одна над другой располагались полочки, сплошь уставленные серебряной посудой и особенно расписными фарфоровыми чашками. Обладание тем и другим означало жить в роскоши, а их количество становилось предметом зависти женщин...»

Страсть к бахвальству заходила столь далеко, что гостиную содержали даже в домах, в которых для нее вообще не было места. Сын секретаря суда из Лаузица Филипп Шиндлер жаловался: «У нас была теперь квартира из трех комнат, но дьявольские козни обнаружили даже здесь. Чтобы как-то уменьшить плату за жилье, родители сдали маленькую изолированную комнату какому-то регистратору, так что для семьи из семи человек остались всего две комнаты. Это можно было бы пережить. Но одна из двух одинаковых по площади комнат была обставлена как «гостиная», которой разрешалось пользоваться только в выходные и праздничные дни или когда приходили гости. На каждый день оставалась всего-навсего одна комната. В ней проживала и спала вся семья...»

Утонченный стиль жизни мелких буржуа

О том, насколько важное значение в мелкобуржуазной среде придавалось «манере держать себя», свидетельствуют также аргументы, приводимые Конрадом Фишером в «Истории немецкого сословия учителей»: «С радостью следует приветствовать тот факт, что рвение, с которым учителя выступают в интересах удовлетворения своих желаний по вопросам, связанным с социальным положением и получением титулов, теперь перекрывается усердием, с которым они в последнее время стремятся овладеть утонченными, просвещенными манерами обращения и правилами приличия. Более чем когда-либо прежде считается необходимым, чтобы каждый человек обладал уверенностью и непоколебимостью навыков в общении, от которых не следует никогда отрече-

каться — ни за игорным столом, ни на танцевальной площадке, как об этом говорит тонкий знаток норм деликатного поведения в обществе».

Годы грюндерства были не только годами предпринимателей и рабочих. По-новому и революционно происходили становление и расцвет третьего социального слоя — служащих. Правда, тогда их называли частными чиновниками. К этой быстрорастущей группе причислялся как управляющий имения в Восточной Пруссии, так и инженер, занятый у Сименса, или директор универсального магазина Титцев. Впрочем, в группу «частных чиновников» входили также редакторы газет, частные учителя, конторские служащие и бухгалтера, общая численность которых с 1880 по 1895 г. увеличилась до почти 750 млн. человек, т.е. возросла более чем вдвое.

«Соответствует ли экономическое, правовое, социальное положение частных служащих их роли и выполняемой ими работе? — задавал вопрос социолог Хайнц Поттхоф в своей книге «Организация сословия частных служащих» и сам же отвечал на него: «Я считаю, что, в общем и целом, на этот вопрос следует ответить отрицательно». Обосновывая этот ответ, он писал: «Характерным для этого является, помимо прочего, и стремление частных служащих добиться равного с государственным или коммунальным служащими положения. Разумеется, в значительной степени это вызывается экономическими соображениями, уверенностью в сохранении места и перспективами на пенсию. Именно они делают столь желанным для частных чиновников получение титула чиновника. Но вместе с тем желание перейти из категории частных в разряд государственных чиновников определяется также тягой к общественному признанию, к повышению своего авторитета. Если мы зададимся вопросом, исходя из этого факта и отбросив в сторону все второстепенное, то мы будем вынуждены признать в качестве основной причины недостаток самосознания и организованности частных служащих». Исполненный зависти, этот лоббист сословия служащих сослался на успехи, достигнутые организованными рабочими, которые не добились своего положения в обществе за счет

приобретения титулов или проявления лживости и угодия.

Подручные за обеденным столом с хозяином

На самой нижней ступени буржуазной иерархической лестницы находился продавец, именовавшийся также торговым служащим. Его социальное положение на самом деле было незавидным. По закону 1870 г. он был обязан каждый день работать до 18 час. и имел для отдыха лишь вторую половину дня каждое второе воскресенье. В 90-х годах прошлого века этот бедняга вряд ли зарабатывал более 600...700 марок в год. «Неизбежным было то, что в описываемой здесь среде «молодых торговцев» царила настоящая нужда», — сетовал Карл Ольденберг в своем докладе «Современное положение продавцов». «Питание и квартира, проживание на всем готовом гораздо чаще обеспечиваются в небольших магазинчиках отчасти из-за более полного использования рабочего дня, отчасти же потому, что продавцы и ученики здесь наполовину считались членами семьи. Еще и сегодня случается, что продавцы, по меньшей мере, по воскресным дням обедают за семейным столом вместе с хозяином, в то время как в будни их рабочие обязанности в большинстве случаев исключают совместное участие в обеде. Следствием подобного семейного положения продавцов является их озлобленное отношение к родительскому надзору хозяина за своим работником, который дает о себе знать конкретно в вопросе «ухода из дома»: продавец вынужден просить у хозяина или его жены разрешение провести нерабочее время вне стен дома либо, по меньшей мере, должен получить от них ключ от входной двери».

Жалкая участь «ночлежников»

Нехватка жилья оставалась самой сложной проблемой для продавцов и большинства рабочих, получавших гроши за свой труд. Уже в конце грюндерского бума в Берлине и крупнейших провинциальных городах по-прежнему ощущалась нехватка, прежде всего, дешевого жилья, сдаваемого внаем. Положение здесь не изменилось к лучшему и в наши дни. В докладе о катастрофическом положении с обеспечением жильем в рабочих кварталах Берлина, подготовленном в 1880

г., говорится: «Из 256 365 обследованных домашних хозяйств 18 318 хозяйств, или 7,1%, имели одного квартиросъемщика, а 39 298 хозяйств, или 15,3%, содержали ночлежников... Эти 39 298 домашних хозяйств с ночлежниками бросают на общую картину жилищных условий Берлина тень, которая становится намного гуще, если вникнуть в детали. Здесь, помимо прочего, имелось одно домашнее хозяйство с 34 ночлежниками, одно с Ни еще несколько хозяйств, дававших приют от 7 до 10 человек. По одному ночлежнику мужского пола находилось в 16192 домашних хозяйствах, а женского пола — в 9 165. Максимальное число ночлежников в домашнем хозяйстве супружеской пары, имевшей семерых детей, — 8 человек, семь мужчин и одна женщина».

«Ночлежниками» были рабочие или продавцы, не имевшие собственного жилья и поэтому платившие несколько крэйцеров за постель в доме посторонних людей. Не стоит особо упоминать о том, что гигиенические условия и «брачные» отношения в такой «большой семье» не поддавались описанию. В общую картину вписывается статистика продолжительности жизни рабочих. В 60-е годы прошлого столетия средняя продолжительность жизни каменщика в Берлине едва достигала 45 лет, фабричных рабочих — 43,5 года, а ткачей — всего 32 года. Самой распространенной причиной смерти был туберкулез.

Женщинам жилось еще хуже

Женщинам жилось еще хуже, чем молодым и холостым мужчинам из самых низких социальных слоев общества. Процесс индустриализации в Пруссии, как и в большинстве других германских государств, в основном отрицательно сказался на положении женщин. На протяжении XIX в. постепенно были изменены все параграфы «Всеобщего свода законов» от 1794 г., охранявшие права женщин. Так, если прежде «незамужние женщины безупречного поведения» могли требовать от отца ребенка алименты на их содержание, а в отдельных случаях даже заключения брака, то реформа закона, осуществленная в 1854 г., освободила отцов, не состоявших в супружеских отношениях, от всех финансовых обязательств.

Брачное и семейное право также все более ужесточалось в отношении положения женщин. «Даже если и следует признать, что мужчина и женщина обязаны в одинаковой степени соблюдать верность друг другу, из самой природы полов все же вытекает, что вина женщины является, как правило, более тяжелой. Значение женщины заключается, прежде всего, в сохранении моральной и половой чистоты, и с ее потерей, равно как и с утратой супружеского и домашнего согласия, исчезает достоинство женского пола, понижается уровень воспитания детей. При нарушении супружеской верности мужчиной честь и мир в семье в большинстве случаев не подрываются...» — говорится в поправке к проекту уголовного кодекса 1843 г.

Где бы ни работали женщины и девушки из низших слоев общества, будь то в деревне или в городе, им было повсюду очень плохо. С горечью сетовала в 1874 г. феминистка Хедвига Дом: «Для низших сословий действует, по-видимому, принцип: чем грубее и изнурительнее работа, тем лучше для женщин. Малоуважаемая и вполнину оплачиваемая работа является рабством в более мягкой форме. И это положение женщин во всех сферах мы называем свободным трудом».

Условия в людских

Для того чтобы не казалось преувеличенным все изложенное здесь, в частности имевшиеся трудности, представим данные многочисленных отчетов о положении сельскохозяйственных рабочих-женщин. В одном из них говорится: «У безземельных крестьян восточных районов страны заработная плата членов семьи женского пола выплачивается главе семьи, с которым заключен контракт, зачастую даже при сдельной работе. Поэтому, прежде всего, экономическая зависимость вынуждает девушек бежать из деревни. Даже дочери богатых крестьян соглашались нередко против воли родителей на работу в городском домашнем хозяйстве. Ведь в родительском доме их зависимость намного больше и им приходится выполнять более тяжелую работу, чем в городе. Очень редко они имеют в своем распоряжении наличные деньги».

Условия в людских, в которых жили батраки в остальбских поместьях, были, видимо, настоящим адом для низкооплачиваемых и

во всех отношениях бесправных работниц. Об этом, в частности, говорилось в одном исследовании евангелических союзов морали, относящемся к 1890 г. По данным этого исследования, молодые работницы были людьми, объявленными вне закона, поскольку им, «если брать во внимание их зависимое положение, редко удавалось защитить себя от посягательств хозяина, управляющего и батрака».

Деревенские работницы толпами бежали из коровников в города, где они надеялись найти себе «большую свободу». На самом же деле они получали там свободу менять одну зависимость на другую. В принципе у них было три возможности: либо они работают на фабрике, либо находят место посылного, либо идут на панель. Они практически не имели никаких шансов пройти какие-либо курсы ремесленников, поскольку союзы ремесленников, которыми руководили мужчины, допускали женщин к исполнению чисто «женских профессий», например в шляпное дело.

Любовь была хлебом бедняков

Женщины находили себе работу преимущественно в текстильной и швейной промышленности, но даже там они постоянно получали меньше, чем их коллеги-мужчины. В этом плане мало что изменилось и в наши дни. В середине прошлого века фабричные работницы текстильных предприятий в Берлине зарабатывали в день от 3 до 6 серебряных грошей, заработок мужчин, работавших набойщиками или красителями, составлял 15...25 грошей. Феминистка Луиза Отто с возмущением писала: «Женщины, выполнявшие самую тяжелую работу, получали более низкий дневной заработок, чем мужчины... Это считается уместным, поскольку природные возможности женщин во многих случаях позволяют им выполнять меньший объем работы...» В ту пору любовь действительно была хлебом бедняков, и в этом плане фабричные девушки не составляли никакого исключения. Об этом писал один из тогдашних авторов Пауль Гере в своей работе «Три месяца в положении фабричного рабочего и ученика ремесленника»: «Я утверждаю, что вряд ли остается целомудренной молодая девушка из рабочих семей Хемница, которой исполнилось 17 лет. Половые

связи, завязанные в первую очередь на танцевальных площадках, широко распространены сегодня среди этой молодежи. Они считаются вполне естественным и само собой разумеющимся делом... Если девушка беремеет, то, как правило, они женятся независимо от того, давно они вместе или всего несколько недель, знают друг друга или нет, подходят хотя бы чуть-чуть друг другу или нет, годятся для совместной жизни или нет...»

Обязаны работать днем и ночью

В 1882 г. в Германской империи насчитывалось почти 1,3 млн. посыльных, из них 26% составляли незамужние девушки. По этому поводу в исследовании одного приват-доцента из Берлина говорится: «Очень молодыми, еще почти детьми они поступали на службу и в возрасте около 30 лет их силы оказывались полностью истощенными... Что касается происхождения девушек, то оказалось, что свыше сорока тысяч девушек каждый год приезжают в Берлин. Основной контингент работниц дает провинция Бранденбург...»

Сельская девушка представляет собой сегодня типичную фигуру берлинской служанки. Прислуга, набираемая из жителей Берлина, встречается сравнительно редко. Армия выходцев из провинции набирается преимущественно из сирот, внебрачных детей и наиболее плохо устроенных в жизни пролетарок... Приезжая девушка в большинстве случаев чувствует себя одинокой, у нее нет никаких привязанностей. Не находит она их и в семье работодателя, который принадлежит к совершенно другому социальному классу...

Существенной отличительной чертой домашней работы, выполняемой девушкой из прислуги, является ее неограниченность во времени. Она должна работать днем и ночью. Законодательству, регламентирующему положение прислуги, чуждо понятие как сверхурочной, так и ночной работы. Одной девушке, которой пришлось в 9 час вечера в воскресенье принести из подвала несколько сотен угольных брикетов, хотя наверху было еще достаточно угля на весь следующий день, и которая пожаловалась на это в полицию, лейтенант, рассматривавший эту жалобу, ответил: «Вы обязаны выполнять работу,

даже если ваши хозяева потребуют сделать это в 12 часов ночи...»

Ждать мужа и надеяться

По данным этого исследования, свыше половины служанок работали более 16 часов в сутки. В марте 1850 г. женщина-репортер Фрауенчайтунг так описывала бедственное положение служанок: «У меня нередко была возможность наблюдать за девушками, когда они сидели на расположенных террасами ступенях театрального здания (обычное место сбора девушек, ищущих работу. Здесь в определенное время появлялись посредницы, которые за известное вознаграждение сбывали девушек господам). Мне это место казалось невольничьим рынком Константинополя, хотя все это я наблюдала в древнегерманском христианском городе и видела при этом полные отчаяния лица бедных созданий, долгие недели проводивших здесь в ожидании работы и проедавших последние деньги, которые они принесли с собой из родных мест. Затем эту возможность использовали женщины определенного сорта, постоянно бродившие вокруг театра и «невольничьего рынка». Они умели во время обнаружить девушек, бедственное положение которых было самым ужасным, и большими посулами соблазнить их на работу в определенно рода питейных заведениях, называвшихся «танцевальными кабачками». Только здесь и слишком поздно бедные жертвы унавали, на что их должны использовать».

Если девушки из низших слоев общества вынуждены были работать не разгибая спины и валиться с ног от усталости, то дочерям и женам, представительницам уважаемых классов общества, категорически запрещалось выполнять любую работу. Ведь горожанин из среднего сословия оказался бы покрытым позором, если бы его жена оказалась вынужденной зарабатывать деньги. И даже если заработок мужа был скуден, жена могла, правда тайком, подрабатывать дома несколько грошей шитьем или вышиванием.

Единственной надеждой и целью жизни дочери из «порядочного дома» было найти состоятельного или живущего, по крайней мере, в приличных условиях мужа. Но еще в 1870 г. в Пруссии насчитывалось 1,25 млн. незамужних женщин, о которых должны были заботиться их семьи. Писательница из Ке-

нигсберга Фанни Левальд испытала на себе положение дочери буржуа: «А мы, женщины, с семнадцати лет сидим и сидим, ждем и ждем изо дня в день, погруженные в праздное раздумье, не явится ли мужчина, который полюбит нас в такой степени, что почувствует жалость к нашей беспомощности».

Каждый шестой ребенок рождается вне брака

Мужчина, который пусть необязательно любит, но, по меньшей мере, платит, также оказывался последней палочкой-выручалочкой для многих обнищавших девушек простого происхождения, отвергнутых своими семьями. Уже в 1846 г. проституция была в Берлине процветающим ремеслом. В докладе, подготовленном в то время Эрнстом Дронке, говорилось, в частности: «Проституция, в первую очередь в Берлине, достигла таких масштабов, которые свидетельствуют о том, что исключительно велико число людей, понуждаемых внешними условиями существования и воспитания вступать в открытую схватку с законами морали.

Численность проституток, не считая девушек, которые прежде занимались этим ремеслом в 250 привилегированных борделях, теперь закрытых, достигает десяти тысяч. Все эти женщины относятся к наиболее бедным и всеми забытым классам. Поскольку там же проживают в целом 170 тыс. женщин, последнее означает, что одна из 17 женщин проститутует. Если же принять во внимание, что этим ремеслом занимаются женщины в возрасте от 17 до 45 лет и общая численность женщин этой возрастной группы составляет 87 тыс. человек, то проституткой оказывается уже каждая восьмая женщина.

Кроме того, в Берлине насчитывается 18 тыс. служанок, из которых как минимум 5 тыс. предаются если не открытой проституции, то хотя бы тайному распутству. Число детей, рожденных в браке, составляет 11 тыс., вне брака — 2 тыс. Таким образом, каждый шестой ребенок внебрачный».

Фабричные работницы занимаются проституцией

До конца XIX в. вряд ли что изменилось в описанном выше положении вещей. В 1890 г. в Мюнхене каждый третий ребенок родился вне брака. В это же время берлинская полиция зарегистрировала 4039 «официальных» проституток. В конце прошлого века большая часть фабричных работниц, швей, портних, официанток и служанок вынужденные были подрабатывать себе на хлеб проституцией. Историки Барбара Дуден и Элизабет Майер-Реншхаузен высказали эту мысль в своем исследовании, вошедшем в книгу «Пруссия. К истории социальных отношений в государстве».

Подобных «социальных тенет» еще не существовало в период грюндерства. Капитализм был таким жестоким и несправедливым, каким он ныне представляется в лозунгах левацких студентов. Люди, имевшие несчастье родиться не на той стороне социального забора, отделившего высшие слои общества от пролетариата, вынуждены были дорого платить за очень быстрые и радикальные изменения, когда-либо пережитые обществом в мирное время.

Годы промышленной революции, сопровождавшиеся отвратительными явлениями (омерзительные парвеню; непосильный труд людей на фабриках; спекулянты и ловцы удач; поденщики, влачившие жалкое существование в тяжелейших условиях; женщины, вынужденные продавать душу и тело), тем не менее, были необходимы, чтобы положить начало тому развитию, которое привело в промышленно передовых странах к невиданному до тех пор благосостоянию масс, практически сплошному социальному обеспечению населения, к созданию таких условий труда, которые 100 лет назад едва ли можно было себе представить.